

ПОНЯТЬ НЕЛЬЗЯ ПРИНЯТЬ

Аннотация. Дискуссия разворачивается вокруг ситуации пост- не просто как хронологического этапа в глобальном развитии, но и как состояния (про)живания, которое не может быть из- (про)жито окончательно. Используя инструментарий междисциплинарности, диспутанты обозначают свои позиции вокруг таких проблемных зон современной социально-гуманитарной науки: насколько возможен переход от деколонизации к состоянию пост-колониальности вне травмы? Способен ли современный академический дискурс примирить цивилизационные разломы? Обязательно ли использование националистического дискурса для понимания состояния постколониальности? Для этого была поставлена под сомнение линейность не процесса превращения деколонизации в постколониальность, а сами постколониальные исследования как самостоятельная методологическая программа анализа макро- и интер- региональных взаимодействий. Дискуссия возвращает читателя в поле реактуализированной деколонизации как незаконченного геополитического и социокультурного проекта, апеллируя к «мировым» иерархичным практикам принятия решений, трансформации новых деколонизированных стран и субъективному состоянию уязвимости, представленному в художественном дискурсе.

Ключевые слова: деколонизация, имперскость, постимперскость, асинхронность деколонизации, постколониальность, драма постколониальности, травма, уязвимость, постколониальный субъект, прекарность.

Вопросы дискуссии:

1. Являются ли понятия де-, пост- и нео- колонизации хронологически последовательными? Возможно ли их сосуществование в рамках региона / общества?
2. Можно ли говорить о существовании границы между состоянием пост- и пост-постколониализации?
3. В чем состоит региональная специфика обществ пост- (например, Британская империя – Индия, Российская империя – Средняя Азия, Османская империя – Балканы и т.д.)?
4. Отличается ли современное состояние пост- от зафиксированного в классических работах Э. Саида, Г. Спивак, Д. Чакраборти и др.?
5. Как пограничные общества переживают состояние постколониализации?

Участники дискуссии:

Карнаухова Оксана Сергеевна, кандидат философских наук, доцент, доцент, Институт истории и международных отношений, Южный федеральный университет.

Гуров Олег Николаевич, кандидат философских наук, MBA, преподаватель, Факультет рыночных технологий, Институт отраслевого менеджмента РАНХиГС.

Джумайло Ольга Анатольевна, доктор филологических наук, заведующая кафедрой теории и истории мировой литературы, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет.

Малкин Станислав Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор, Исторический факультет, Самарский государственный социально-педагогический университет.

Цитирование: Карнаухова О.С., Гуров О.Н., Джумайло О.А., Малкин С.Г. Понять нельзя принять // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 3. С. 128–172. DOI 10.18522/2500-3224-2022-3-128-172 / Karnaukhova O.S., Gurov O.N., Dzhumaylo O.A., Malkin S.G. Passing Which Is Not To Be Passed Through, in Novoe Proshloe / The New Past. 2022. No. 3. Pp. 128–172. DOI 10.18522/2500-3224-2022-3-128-172.

© Карнаухова О.С., Гуров О.Н., Джумайло О.А., Малкин С.Г., 2022

PASSING WHICH IS NOT TO BE PASSED THROUGH

Abstract. The discussion unfolds around the situation of post-not just as a chronological stage in global development, but also as a condition of living (in) that cannot be finally extinguished. Using the research tools of interdisciplinarity, the discussants outline their positions around such problem areas of contemporary social science and humanities as: How possible is the transition from decolonization to a state of post-coloniality beyond trauma? Is contemporary academic discourse capable of reconciling civilizational fault lines? Is the use of nationalist discourse mandatory for understanding the post-colonial state? To this end, the linearity of the process of turning decolonization into postcoloniality has been questioned, as well as Postcolonial studies itself as an independent methodological program for analyzing macro- and inter-regional interactions. The discussion takes the reader back to the domain of reactualized decolonization as an unfinished geopolitical and sociocultural project, appealing to “world” hierarchical decision-making practices, the transformation of newly decolonized countries, and the subjective state of vulnerability represented in literary discourse.

Keywords: decolonisation, empire, post-empire, asynchrony of decolonisation, postcoloniality, drama of postcoloniality, trauma, vulnerability, postcolonial subject, precarity.

Discussion questions:

1. Are the concepts of de-colonisation, post-colonisation and neo-colonisation chronologically consistent? Is it possible for them to coexist within the same region/ society?
2. Is it possible to discuss the existence of a boundary between the conditions of post- and post-post-colonisation?
3. What are the regional peculiarities of post- (e.g. British Empire – India, Russian Empire – Central Asia, Ottoman Empire – Balkans, etc.) societies?
4. Does the contemporary post- society differ from that documented in the classical works of E. Said, G. Spivak, D. Chakraborty, etc.?
5. How do frontier societies experience the condition of post-colonization?

Discussants:

Karnaukhova Oxana S., Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor, Institute of History and International Relations, Southern Federal University.

Gurov Oleg N., Candidate of Science (Philosophy), MBA, Lecturer, Department for Market Technologies, Institute of Industry Management RANEP.

Dzhumaylo Olga A., Doctor of Science (Philology), Head of the Department of World Literature and Criticism, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University.

Malkin Stanislav G., Doctor of Science (History), Professor, Historical Faculty, Samara State Socio-Pedagogical University.

«ДЕКОЛОНИЗИРУЙ ЭТО»: ЕВРОПЕЙСКИЕ ПРОЕКТЫ ПОМОЩИ ТРЕТЬЕМУ МИРУ

Карнаухова Оксана Сергеевна

Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия
oskarnauhova@sfedu.ru

Аннотация. Статья подвергает сомнению тезис о линейном развитии мирового сообщества от деколонизации к постколониальному состоянию и неизбежному переходу в состояние пост-пост-, преодолению как негативного опыта колониального, так и проживания травмы постколониального. Обратившись к ранним проектам Европейского Союза помощи своим бывшим колониям, автор статьи предлагает гипотезу о повторяющемся проживании деколонизации как процессе, который препятствует преодолению состояния зависимости, установлению суверенности, поддерживает идею о превосходстве метрополии над подчиненными. В статье фиксируются последствия деколонизации, погружающие глобальное общество в состояние пост-, но не выводящие из него.

Ключевые слова: деколонизация, постколониальность, Третий мир, Европейский Союз, Движение неприсоединения, Евразфрика.

Цитирование: Карнаухова О.С. «Деколонизируй это»: европейские проекты помощи Третьему миру // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 3. С. 132–143. DOI 10.18522/2500-3224-2022-3-132-143 / Karnauhova O.S. "Decolonise It": European Aid Projects for the Third World, in Novoe Proshloe / The New Past. 2022. No. 3. Pp. 132–143. DOI 10.18522/2500-3224-2022-3-132-143.

© Карнаухова О.С., 2022

“DECOLONISE IT”: EUROPEAN AID PROJECTS FOR THE THIRD WORLD

Karnaukhova Oxana S.

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
oskarnauhova@sfedu.ru

Abstract. The paper questions the thesis of a linear development of the global community from decolonisation to a post-colonial state and an inevitable transition to a post-post state, overcoming both the negative experience of coloniality and the lived trauma of post-coloniality. Referring to the European Union's early projects of assistance to its former colonies, the author proposes the hypothesis of the repetitive dwelling of decolonisation as a process that prevents overcoming the condition of dependence, the establishment of sovereignty, and supports the idea of metropolitan supremacy over the subaltern. It concludes by capturing the fourth wave of decolonisation. The consequences of decolonisation, plunging global society into, but not out of, a post-independence state, are captured.

Keywords: Decolonisation, Postcoloniality, the Third World, European Union, Movement of Non-Alignment, Eurafrica

Деколонизация — это процесс, в ходе которого колония обретает независимость от колониальной державы, процесс, противоположный колонизации. Деколонизация может быть достигнута путем обретения независимости, интеграции с метрополией либо другим государством или установления статуса «свободной ассоциации». Однако вопрос о том, когда и при каких обстоятельствах деколонизацию можно считать завершенной и как зафиксировать переход в состояние «пост-», остается открытым.

Вторая мировая война нанесла серьезный удар по колониальным державам, лишив их былого престижа. В результате военных действий Нидерланды, Бельгия и Франция были побеждены и оккупированы, а Великобритания серьезно поредела. Находящиеся под колониальным владычеством народы, которые в военное время часто пополняли ряды союзных армий, были полны решимости разорвать узы, которые все еще связывали их с Европой, теперь разрушенной и лишенной своих ресурсов.

Кроме того, появление двух сверхдержав, Соединенных Штатов и Советского Союза, и новый международный климат после 1945 г. подтолкнули колонии к активизации стремления к независимости. Устав Организации Объединенных Наций подтвердил уважение принципа равноправия и самоопределения народов. Франклин Рузвельт и Уинстон Черчилль присоединились к этому принципу в Атлантической хартии, которую они подписали еще 14 августа 1941 г. В пункте 3 этого документа главы двух государств изложили следующий принцип: «Они уважают право всех народов избирать себе форму правления, при которой они хотят жить; они стремятся к восстановлению суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем» [Atlantic Charter, 1941].

Осознавая новый, благоприятный международный контекст, колонизированные народы активизировали свою борьбу за независимость. Для некоторых освобождение произошло в результате переговоров, другим пришлось завоевывать право, отмеченное в Декларации, силой.

Первая волна деколонизации проходила в две фазы. Первая фаза длилась с 1945 по 1955 г., в основном затронув Ближний и Средний Восток и Юго-Восточную Азию. Вторая фаза стартовала в 1955 г. в Северной Африке и Суб-Сахаре. В 1955 г. на Бандунгской конференции, на которой присутствовали 29 делегатов из Африканских стран и стран Азии, впервые был провозглашен процесс деколонизации в Африке и появление на мировой арене стран так называемого Третьего мира.

Движение за независимость привело к появлению ряда стран, которые не принадлежали ни к западному, ни к советскому блоку. Эти страны имели некоторые общие черты, включая низкий уровень развития, преимущественно аграрный (или сырьевой) характер экономики и быстрый демографический рост, и они стали известны под общим названием «Третий мир» — выражение, введенное Альфредом Сови в 1952 г. [Сови, 1977].

В 1950-х гг. пять новых независимых азиатских стран (Индия, Пакистан, Цейлон, Бирма и Индонезия) выступили с инициативой объединить страны Третьего мира в единый фронт против колонизации. 17 апреля 1955 г. в Бандунге состоялась первая Афро-Азиатская конференция, на которой страны третьего мира попытались укрепить свои позиции на международной арене. На конференции под председательством президента Индонезии Сукарно присутствовали представители 29 стран: 23 из Азии и 6 из Африки. Среди участников были Гамаль Абдель Насер от Египта, премьер-министр Индии Джавахарлал Неру и премьер-министр Китайской Народной Республики Чжоу Эньлай.

Они были едины в своей оппозиции колониализму и призвали страны, все еще находящиеся под колониальным владычеством, бороться за независимость [James & Leake, 2015]. Они требовали: — деколонизации и эмансипации народов Африки и Азии; — мирного сосуществования различных политических режимов и экономического развития; — невмешательства во внутренние дела.

Конференция оказала значительное психологическое воздействие. Она подчеркнула основные права колонизированных народов и продемонстрировала силу их сопротивления европейскому господству. Чувствуя, что их позиции на заморских территориях все больше подвергаются угрозе, европейским державам вскоре не оставалось ничего другого, как прийти к максимальному единообразию своих позиций, сохранив при этом привилегированные отношения со своими колониями. Таким образом, Бандунгская конференция ознаменовала появление на международной арене стран третьего мира, с которыми следовало считаться.

В Суэце Третий мир одержал важную дипломатическую победу. Суэцкий кризис 1956 г. проиллюстрировал складывающиеся новые отношения власти в международной повестке. Полковник Гамаль Абдель Насер, один из участников конференции неприсоединившихся стран Африки и Азии, состоявшейся в Бандунге в 1955 г. и сторонник панарабизма, стремился объединить арабский мир вокруг Египта, президентом которого он стал в июне 1956 г. Чтобы стимулировать экономические и сельскохозяйственные преобразования в стране, он запланировал строительство огромной плотины в Асуане, но Соединенные Штаты, несмотря на то, что видели в Насере предпочтительную альтернативу коммунизму, отказались участвовать в огромных расходах на строительство, поэтому 26 июля 1956 г. Насер объявил о своем намерении национализировать компанию Суэцкого канала. Большинство акционеров этого жизненно важного международного водного пути составляли французы и британцы, а срок их концессии истекал только в 1968 г. Но и для Насера доходы от эксплуатации канала были необходимы для того, чтобы Египет мог финансировать строительство Асуанской плотины. Суэцкий кризис напрямую угрожал интересам Франции, Великобритании и Израиля, что привело к испытанию сил, кульминацией которого стала совместная военная операция трех стран против бывшего британского протектората в октябре 1956 г. Франция, возмущенная помощью, оказанной Египтом алжирским повстанцам, и Великобритания, которая хотела сохранить контроль над стратегически важным Суэцким проходом, решили

начать совместное военное наступление с целью восстановления контроля над управлением каналом. В военном отношении их поддержал Израиль — государство, которое с момента своего создания в 1948 г. чувствовало прямую угрозу от любого намека на арабский экспансионизм или усиление. Более того, Насер не переставал заявлять о своем желании уничтожить Израиль. 29 октября 1956 г. израильские войска захватили Синайский полуостров, жизненно важную территорию для защиты еврейского государства. Неделью спустя англо-французские войска высадились в Порт-Саиде. Операция была полностью успешной — египетская армия была разгромлена за несколько дней, несмотря на то, что Насер приказал потопить около сорока кораблей, чтобы полностью блокировать Суэцкий канал.

Упорные усилия Франции и Великобритании по защите своих экономических и финансовых интересов за счет развивающейся страны заставили международное сообщество вмешаться. Мировые державы ни в малейшей степени не оценили действия Франции и Великобритании. Советский Союз, находившийся в процессе подавления восстания в Венгрии, пригрозил Парижу и Лондону ядерной войной. Со своей стороны, Соединенные Штаты, несмотря на то, что они являются традиционными союзниками европейских держав, жаловались, что с ними не посоветовались заранее. Они совершенно не оценили подобную неокOLONиальную дипломатию и оказали огромное финансовое давление на Великобританию через ООН — настолько сильное, что англо-французские силы были вынуждены уйти, несмотря на военный успех. Израиль также покинул Синай. ООН взяла на себя задачу по модернизации Суэцкого канала, который был вновь открыт для судоходства в апреле 1957 г. В то же время Насер приказал разрушить несколько нефтепроводов, что означало, что западноевропейские страны впервые столкнулись с сокращением поставок топлива.

Важнейшим итогом стало то, что Насер, окрыленный своей политической и дипломатической победой, пользовался огромным престижем в арабском мире. Он в полной мере использовал свой образ жертвы империалистического заговора. Европейские державы были вынуждены раз и навсегда признать, что они не являются мировыми державами и что их роль на международной арене не может быть больше, чем поддержка Соединенных Штатов. Действительно, им стало трудно проводить независимую политику на мировой арене. Их влияние на Ближнем Востоке стало практически несуществующим. Поэтому Суэцкий кризис закончился моральным поражением и дипломатическим фиаско для бывших колониальных держав, а полковник Насер укрепил свои позиции защитника арабского мира и поборника деколонизации.

Именно в этом контексте зарождающееся европейское сообщество было вынуждено задуматься о будущих отношениях со своими колониями. Колониальные державы хотели найти способ связать свои колонии с зарождающимся Экономическим Сообществом, сохранив при этом исторические связи с метрополиями. Когда в 1956–1957 гг. разрабатывался договор о создании Европейского экономического сообщества (ЕЭС), участники переговоров обсуждали, в какой степени колонии должны быть связаны с будущим сообществом. Геополитическая концепция

Евроафрики, термин, используемый с межвоенного периода, снова стал предметом значительного интереса [Brown, 2002].

В мае 1956 г. в Венеции, на последних этапах переговоров, которые должны были привести к подписанию Римских договоров, Франция удивила своих партнеров, потребовав объединения своих заморских территорий с будущим Европейским Экономическим Сообществом (ЕЭС). Но участники переговоров, за исключением Бельгии, опасались, что это приведет к политике, резко осуждаемой ООН, и излишним обязательствам по отношению к своим уже бывшим (или почти бывшим) колониям. Только после длительных дипломатических дискуссий «шестерке» удалось достичь соглашения, основанного на геополитическом видении Францией Еврафрики [Adebajo & Whiteman, 2011; Rempe, 2011]. Шесть государств – членов Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) задавались вопросом, как им создать таможенный союз с собственным единым внешним тарифом, сохранив при этом исторические преференциальные связи между европейскими странами и их заморскими территориями. Франция отказалась открыть африканские рынки для своих партнеров и продолжала нести финансовые расходы по развитию этих рынков в одиночку. В разгар войны в Алжире Франция попыталась компенсировать ослабление политических связей за счет укрепления экономических отношений между Европой и Африкой. Парламент Франции превратил ассоциацию ЕЭС-ОКТ и общий рынок Еврафрики в необходимость.

Римские договоры от 25 марта 1957 г. предусматривали пробный пятилетний период объединения ЕЭС с заморскими странами и территориями (ЗСТ), связанными с Францией, Бельгией, Италией и Нидерландами. Эти четыре государства открыли свои заморские (колониальные) рынки для всех стран – членов ЕЭС, а взамен все страны-члены помогли финансировать улучшение инфраструктуры на этих территориях. Более конкретно, была создана зона свободной торговли между «шестеркой» и каждой из ассоциированных стран, а также Европейский фонд развития заморских территорий (FEDOM), предшественник Европейского фонда развития (EDF), который финансировался за счет национальных взносов европейских стран для обеспечения инвестиций в экономическую и социальную инфраструктуру.

По истечении пятилетнего испытательного срока была возобновлена Конвенция об ассоциации ОКТ между «шестеркой» и 18 ассоциированными африканскими государствами и Мадагаскаром (AACM). Новая конвенция об ассоциации, также действующая в течение пяти лет, была подписана в Яунде 20 июля 1963 г. [Chikeka, 1990].

С 1961 г. к этому добавился новый элемент: первая заявка Великобритании на вступление в Европейский общий рынок поставила вопрос о будущих отношениях между Великобританией, странами Содружества и ЕЭС, особенно о возможном присоединении англоязычных африканских стран к ассоциации AACM-ЕЭС. И снова политика сотрудничества Европейских сообществ должна была быть адаптирована к новому международному климату.

Столкнувшись с медленным распадом Французского Союза, Франция искала в рамках возрождения европейской интеграции способ привязать свои колонии к формирующейся структуре Сообщества, чтобы сохранить, насколько это возможно, свои исторические имперские связи. Целью было обеспечить новые торговые рынки в Европе для продукции заморских территорий и дать последним возможность воспользоваться европейскими инвестициями в государственную инфраструктуру, которые страна происхождения уже не могла себе позволить. Сохраняющиеся связи Франции с ее заморскими странами и территориями неизбежно налагали значительное финансовое бремя (административные расходы, субсидии и капиталовложения, дополнительные расходы и поддержка цен на заморскую сельскохозяйственную продукцию), которое стало бы определенным препятствием, если бы ей пришлось продолжать нести его в одиночку на европейском общем рынке, открытом для свободной конкуренции [Sheppard, 2008]. Поскольку будущие европейские партнеры экспортировали в ОКТ больше, чем импортировали с этих территорий, Франция рассматривала ассоциацию как лучший способ увеличить объем импорта ОКТ в общий рынок и тем самым сократить торговый дефицит бывшей империи. В то же время она пыталась примирить свободную торговлю в зоне франка со своими будущими обязательствами на европейском общем рынке.

В начале 1960-х гг. большинство заморских стран и территорий (ЗСТ), ассоциированных с Европейским сообществом, получили независимость. Это вызвало острую необходимость пересмотреть характер ассоциации и заменить существующие договоренности, предоставленные бывшими колониальными державами, конвенцией, заключенной совместно с новыми независимыми государствами. Поскольку срок действия соглашения об ассоциации, приложенного к договору 1957 г. о создании Европейского экономического сообщества (ЕЭС), истекал в декабре 1962 г., в перезаключенном соглашении должны были быть закреплены эти серьезные изменения.

Размышления о том, как адаптировать ассоциацию ОКТ, возглавили, в частности, Генеральный директорат по заморским территориям (DG VIII) Комиссии ЕЭС и Европейская парламентская ассамблея, и особенно Жан Дювьесарт из Бельгии и Ален Пейрефиттей из Франции. По инициативе Парламентской Ассамблеи с 19 по 24 июня 1961 г. в Страсбурге была проведена Евро-Африканская конференция, в которой приняли участие депутаты обоих континентов. В общей сложности 18 африканских государств, все франкоязычные, кроме Сомали, выразили желание провести переговоры о заключении нового соглашения об ассоциации с ЕЭС, чтобы укрепить свое привилегированное положение по отношению к Сообществу. Официальные переговоры между государствами — членами ЕЭС и ассоциированными государствами начались 6 декабря 1961 г. в Париже и завершились подписанием Конвенции Яунде 20 июля 1963 г., которая объединила 18 ААСМ с ЕЭС. Новая конвенция вступила в силу 1 июня 1964 г. сроком на пять лет. В торговом режиме не было существенных изменений по сравнению с предыдущей версией ассоциации: в нее было включено большинство положений части IV Римского договора. В основе

конвенции лежал принцип свободной торговли между ЕЭС и каждой из стран ААСМ. Однако были предусмотрены защитные оговорки. Был создан второй Европейский фонд развития (EDF II) в размере 730 млн расчетных единиц и совместные институты (Совет ассоциации, Комитет ассоциации, Парламентская конференция и Арбитражный суд), в которых партнеры были представлены на равных правах [Garavini & Nybakken, 2012].

29 июля 1969 г. соглашение было возобновлено подписанием второй Яундской конвенции. На этот раз переговоры были более напряженными. Германия и Нидерланды, в частности, проявляли все меньше интереса к ассоциации, тем более что они считали, что ЕЭС платит за особые отношения Франции с ее бывшими колониями. Шесть государств – членов ЕЭС также имели противоположные мнения по вопросу сотрудничества в отношении наиболее обездоленных общин в развивающихся странах. В то время как Франция, Бельгия и Италия выступали за сохранение региональной системы, голландцы и немцы заняли более глобалистскую позицию и рекомендовали предоставлять материальную или финансовую помощь всем развивающимся странам. Яунде также подвергся критике за неокOLONиализм, особенно со стороны неассоциированных государств [Chikeka, 1990].

Позднее на Парижском саммите в октябре 1972 г. государства – члены ЕЭС подтвердили свою готовность активизировать помощь и сотрудничество с наиболее обездоленными социальными слоями в развивающихся странах. Однако их мнения разделились: в то время как Франция, Бельгия и Италия выступали за регионалистский подход с акцентом на африканский континент, голландцы и немцы, за которыми вскоре последовали британцы, заняли более глобалистскую позицию и выступили за предоставление материальной или торговой помощи всем развивающимся странам [Adler-Nissen & Pram Gad, 2013].

В 1960-е гг. политика Соединенного Королевства в отношении Европы изменилась. Выжидательный подход 1940-х и 1950-х гг., который в крайнем случае допускал европейское сотрудничество на межправительственном уровне, постепенно сменился решимостью более активно участвовать в процессе европейского объединения. В 1961 г., после подачи Великобританией заявки на вступление в Общий рынок, страны Содружества начали стучаться в дверь Европы. Первое соглашение об ассоциации было подписано в 1966 г. с Нигерией (Лагосское соглашение), но так и не вступило в силу из-за гражданской войны в Нигерии. 24 ноября 1969 г. в Аруше было подписано соглашение между ЕЭС и тремя восточноафриканскими государствами – Кенией, Угандой и Танзанией; в отличие от Лагосского соглашения, это соглашение впоследствии вступило в силу.

Боязнь оказаться на обочине международных отношений и оглушительный успех Европейского экономического сообщества (ЕЭС) стали основными факторами изменения курса британских правительств в начале 1960-х гг. Особые отношения между Великобританией и Соединенными Штатами стали более напряженными после Суэцкого кризиса 1956 г., а колониальная империя, которая оправдывала

статус Соединенного Королевства как мировой державы до Второй мировой войны, начала распадаться. Политические и стратегические связи, установленные с Содружеством, ослабли, а взаимодополняемость между экономикой Великобритании и экономиками ее бывших колоний уменьшалась на протяжении 1960-х гг.

Общественное мнение и основные политические партии с их приверженностью национальному суверенитету оказались разделены. Консервативная партия была более проевропейской, чем Лейбористская партия. Последняя, вместе с профсоюзами, стремилась защитить государство всеобщего благосостояния и государственный контроль над экономикой от того, что она воспринимала как капиталистическую Европу, слишком привязанную к идее свободной торговли.

Интерес Соединенного Королевства к Европе вызвал неоднозначную реакцию за рубежом. Наиболее сильная оппозиция исходила от Франции, которая, хотя и стремилась в 1940-х и 1950-х гг. развивать европейский проект в сотрудничестве с неохотно идущей на это Великобританией, изменила свою позицию после прихода к власти генерала де Голля и отвергла присоединение Великобритании. Это было симптомом борьбы двух стран за место лидера Европы.

Основной проблемой были отношения Соединенного Королевства с Содружеством. Лондон, разыгрывая свою имперскую карту, требовал, чтобы правила Сообщества были изменены в нескольких областях. Великобритания не хотела принимать общий торговый тариф, опасаясь, что это заставит ее отказаться от привилегированных отношений со странами Содружества [Kottos, 2012].

На Парижском саммите в октябре 1972 г. «девятка» (шесть членов Европейского экономического сообщества плюс три страны-претендента — Дания, Ирландия и Великобритания) заявила о своей готовности активизировать помощь и сотрудничество с наиболее обездоленными развивающимися странами. Однако у нескольких государств — членов ЕЭС были другие идеи. Франция, Бельгия и Италия придерживались мнения, что ЕЭС не может поддерживать все бедные регионы мира, и выступали за регионалистский подход, отдавая явное предпочтение Африке. Нидерланды и Германия, за которыми вскоре последовала Великобритания, традиционно выступавшая за свободную торговлю и стремившаяся защитить свои торговые отношения с Содружеством, придерживались глобалистского подхода, предлагая предоставить всем развивающимся странам помощь в натуральной или коммерческой форме. В июле 1973 г. начались межправительственные переговоры между министрами «девятки» и министрами ассоциированных стран, а также стран, которые могут стать ассоциированными в будущем; решение было найдено после 18 месяцев упорных переговоров. Ставки были высоки, поскольку в 1974 г. государства АКТ продавали 69% своего экспорта в ЕЭС и покупали 58% своего импорта из ЕЭС [Hansen, 2002].

Присоединение Великобритании к Общему рынку в 1973 г. означало для 20 стран Содружества англоязычных стран Африки и государств Карибского бассейна и

Тихого океана ассоциацию с ЕЭС [Brivati & Jones, 1993]. Это было достигнуто благодаря Ломейской конвенции от февраля 1975 г., которая ознаменовала новый этап в сотрудничестве ЕЭС с развивающимися странами в расширенной структуре, включающей страны Африки, Карибского бассейна и Тихого океана (АКТ).

Первые Ломейские соглашения были подписаны в столице Того, бывшей колонии Германии, 28 февраля 1975 г. «девяткой» и 46 государствами АКТ. Данное соглашение было образцовым по своей географической амбициозности. Политика сотрудничества ЕЭС должна была быть адаптирована к новым международным условиям, возникшим в результате вступления Великобритании в ЕЭС, и последствиям для двадцати независимых стран Содружества. В институциональном плане Ломейские соглашения создали Совет министров ЕЭС-АКТ, Комитет послов, Консультативную ассамблею и Комитет по промышленному сотрудничеству.

Соглашения обеспечили на односторонней основе свободный доступ на рынок европейского сообщества почти всех товаров, происходящих из африканских, карибских и тихоокеанских государств [Dolan, 1978]. Товары ввозились беспошлинно в неограниченных количествах. С другой стороны, на товары, произведенные в ЕЭС, могли устанавливаться квоты и налоги, при условии, что все государства — члены ЕЭС должны были пользоваться равным отношением со стороны государств АКТ и торговым статусом «наиболее благоприятствуемой нации». Соглашения Ломе также создали рамки промышленного сотрудничества и схему компенсации операционных потерь (STABEX) для сельскохозяйственной продукции. Когда цены на мировом рынке падали, государства АКТ получали от ЕЭС беспроцентную компенсацию, подлежащую погашению.

Постепенное присоединение к Ломейской конвенции новых государств в Индийском и Тихом океанах, Карибском бассейне и даже Океании привело к тому, что в июле 1976 г. ЕЭС принял решение ограничить свою политику помощи развивающимся странам и исключить из нее Индию, страны Юго-Восточной Азии и Латинской Америки.

Вторая Ломейская конвенция была подписана 31 октября 1979 г. с 59 государствами АКТ. Соглашения заложили основу для Системы стабилизации экспортных поступлений от горнодобывающей продукции (SYSMIN), которая позволяла ЕЭС оказывать срочную финансовую помощь государствам АКТ, испытывающим серьезные потрясения в горнодобывающей промышленности, если она составляла большую часть их общего объема экспорта в течение четырех лет. Дотация Европейского фонда развития (ЕФР) в рамках Ломе II была вдвое больше, чем в рамках Ломе I.

Между тем, оценивая попытки ЕЭС адекватно ответить на присутствие в международном пространстве стран, с которыми столетиями существовали плотные экономические связи и иерархичные отношения в сфере политического взаимодействия и которые находились длительное время в состоянии подчиненных, следует отметить сохраняющуюся и поддерживаемую взаимозависимость. Именно это привело к одному из наиболее важных последствий деколонизации — нестабильности

постколониальных политических систем, что повлекло за собой другие, далеко идущие последствия. К ним относятся глубокие проблемы, тормозящие экономический рост, и увеличивающееся неравенство между северной и южной частями земного шара. Самым значительным последствием деколонизации стало полное изменение политической карты континентов. Молодые страны оказались перед лицом множества проблем, связанных с их социально-экономическим запаздыванием, в том числе с разрывом между урбанизированным обществом и периферией. Одной из важнейших проблем, травмирующих эти страны, являются их неестественные границы, полностью игнорирующие этнокультурную структуру, произвольно проложенные колониальными державами в девятнадцатом веке. Бывшие метрополии не отказались от своего влияния на экономику и политику своих бывших колоний, сохраняя свои отношения в форме патронажа — клиентажа.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Сови А. Общая теория населения. Сокр. перевод с третьего фр. издания Ф.Р. Окуневой. В 2-х т. М.: Прогресс, 1977.

The EU and Africa: from Eurafrique to Afro-Europa. Ed. by Adebajo A., Whiteman K. Londres: Hurst & Co., 2011. 531 p.

European Integration and Postcolonial Sovereignty Games: The EU Overseas Countries and Territories. Ed. by Adler-Nissen R., Pram Gad U. Londres; New York: Routledge, 2013. 272 p.

Atlantic Charter. 1941. URL: <https://avalon.law.yale.edu/wwii/atlantic.asp> (дата обращения — 10.06.2022 г.).

Brown W. *The European Union and Africa: The Restructuring of North-South Relations*. Londres; New York: I.B. Tauris, 2002. 247 p.

From Reconstruction to Integration: Britain and Europe since 1945. Ed. by Brivati B., Jones H. Leicester: Leicester University Press, 1993. 260 p.

Chikeka Ch.O. *Britain, France and the New African States. A Study of Post Independence Relationships, 1960–1985*. New York: Edwin Mellen Press, 1990. 250 p.

Dolan M.B. The Lomé Convention and Europe's relationship with the Third World: A critical analysis // *Journal of European Integration*. 1978. Vol. 1. № 3. Pp. 369–394.

Garavini G., Nybakken R.R. *After Empires: European Integration, Decolonization, and the Challenge from the Global South 1957–1986*. Oxford: Oxford University Press, 2012. 304 p.

Hansen P. European Integration, European Identity and the Colonial Connection // *European Journal of Social Theory*. 2002. Vol. 5. № 4 (November). Pp. 483–498.

Decolonization and the Cold War: Negotiating Independence. Ed. by James L., Leake E. Londres: Bloomsbury Publishing, 2015. 336 p.

Kottos L. A «European Commonwealth»: Britain, the European League for Economic Co-operation, and European Debates on Empire, 1947–1957 // *Journal of Contemporary European Studies*. 2012. Vol. 20. № 4. Pp. 497–515.

Rempe M. Decolonization by Europeanization? The Early EEC and the Transformation of French-African Relations // *KFG Working Paper Series*. 2011. № 27.

Sheppard T. *The Invention of Decolonization: The Algerian War and the Remaking of France*. Cornell: Cornell University Press, 2008. 288 p.

REFERENCES

Sovi A. *Obshchaya teoriya naseleniya* [General population theory]. Abbreviated translation from the third fr. editions of F.R. Okuneva. In 2 vol. Moscow: Progress, 1977 (in Russian).

The EU and Africa: from Eurafrique to Afro-Europa. Ed. by Adebajo A., Whiteman K. Londres: Hurst & Co., 2011. 531 p.

European Integration and Postcolonial Sovereignty Games: The EU Overseas Countries and Territories. Ed. by Adler-Nissen R., Pram Gad U. Londres; New York: Routledge, 2013. 272 p.

Atlantic Charter. 1941. Available at: <https://avalon.law.yale.edu/wwii/atlantic.asp> (accessed 10 June 2022).

Brown W. *The European Union and Africa: The Restructuring of North-South Relations*. Londres; New York: I.B. Tauris, 2002. 247 p.

From Reconstruction to Integration: Britain and Europe since 1945. Ed. by Brivati B., Jones H. Leicester: Leicester University Press, 1993. 260 p.

Chikeka Ch.O. *Britain, France and the New African States. A Study of Post Independence Relationships, 1960–1985*. New York: Edwin Mellen Press, 1990. 250 p.

Dolan M.B. The Lomé Convention and Europe's relationship with the Third World: A critical analysis, in *Journal of European Integration*. 1978. Vol. 1. No. 3. Pp. 369–394.

Garavini G., Nybakken R.R. *After Empires: European Integration, Decolonization, and the Challenge from the Global South 1957–1986*. Oxford: Oxford University Press, 2012. 304 p.

Hansen P. European Integration, European Identity and the Colonial Connection, in *European Journal of Social Theory*. 2002. Vol. 5. No.c4 (November). Pp. 483–498.

Decolonization and the Cold War: Negotiating Independence. Ed. by James L., Leake E. Londres: Bloomsbury Publishing, 2015. 336 p.

Kottos L. A "European Commonwealth": Britain, the European League for Economic Co-operation, and European Debates on Empire, 1947–1957, in *Journal of Contemporary European Studies*. 2012. Vol. 20. No. 4. Pp. 497–515.

Rempe M. Decolonization by Europeanization? The Early EEC and the Transformation of French-African Relations, in *KFG Working Paper Series*. 2011. No. 27.

Sheppard T. *The Invention of Decolonization: The Algerian War and the Remaking of France*. Cornell: Cornell University Press, 2008. 288 p.

Статья принята к публикации 13.06.2022

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОСТЬ?

Гуров Олег Николаевич

Институт отраслевого менеджмента РАНХиГС,

Москва, Россия

gurov-on@ranepa.ru

Аннотация. В данном исследовании автор подвергает сомнению убеждение, что постколониальные исследования могут считаться в достаточной мере самостоятельным, цельным и полновесным пространством научной деятельности. В статье показывается, как в последние десятилетия разворачиваются противоположные тенденции: экспансия консерватизма, распространение националистического дискурса, многообразные варианты неоимперских амбиций. Цель исследования – продемонстрировать, что «постимперское состояние» является иллюзией, и в настоящее время этот термин нерелевантен для отражения современной сущности и парадигмы развития государств и регионов, которые в прошлом столетии можно было характеризовать как империи. При этом сегодня наблюдается качественное изменение самой логики имперского развития. Ранее империи расширялись, сдвигая границы ойкумены. Сегодня мы наблюдаем ускорение времени и свертывание пространства, что может привести к не совсем верному выводу, что имперская идеология осталась в прошлом. Имперская сущность возродилась в новой ипостаси, хотя составляющие ее явления несколько трансформировались в рамках нового геополитического дискурса, но тем не менее стремление мыслить постколониально представляется автору несостоятельным. В этом смысле могло бы быть продуктивным в первую очередь направить научную работу на осмысление и попытку заново сформулировать предмет исследования, исторические особенности и внутренние драйверы развития неоимперских тенденций, что позволит максимально четко определить линии разломов своеобразных геополитических, культурных и прочих тектонических плит современных международных и, в широком смысле, общественных процессов.

Ключевые слова: постколониальность, неоимпериализм, постмодерн, Я и Другой, гибридные войны, эпистемическая безопасность, империализм, ойкумена.

Цитирование: Гуров О.Н. Существует ли постколониальность? // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 3. С. 144–153. DOI 10.18522/2500-3224-2022-3-144-153 / Gurov O.N. Does Post-Coloniality Exist?, in Novoe Proshloe / The New Past. 2022. No. 3. Pp. 144–153. DOI 10.18522/2500-3224-2022-3-144-153.

© Гуров О.Н., 2022

DOES POST-COLONIALITY EXIST?

Gurov Oleg N.

Institute of Industry Management RANEPa,

Moscow, Russia

gurov-on@ranepa.ru

Abstract. In this study, the author questions the belief that post-colonial studies can be considered a sufficiently independent, integral and full-fledged area of scientific activity. The article shows how opposite trends have unfolded in recent decades: the expansion of conservatism, the spread of nationalist discourse, and the diverse variants of neo-imperial ambitions. The purpose of the study is to demonstrate that the “post-imperial state” is an illusion, and at present this term is irrelevant to reflect the modern essence and paradigm of the development of states and regions that in the last century could be characterized as empires. At the same time, today there is a qualitative change in the very logic of imperial development. Previously, empires expanded, shifting the boundaries of the ecumene. Today we are witnessing the acceleration of time and the collapse of space, which may lead to the not entirely correct conclusion that the imperial ideology is a thing of the past. The imperial essence was revived in a new incarnation, although its constituent phenomena were somewhat transformed within the framework of the new geopolitical discourse, but nevertheless, the desire to think post-colonial seems untenable to the author. In this sense, it could be productive, first of all, to direct scientific work towards understanding and trying to re-formulate the subject of research, historical features and internal drivers of the development of neo-imperial trends, which will make it possible to clearly determine the fault lines of the peculiar geopolitical, cultural and other tectonic plates of modern international and, in a broad sense, social processes.

Keywords: postcolonialism, neo-imperialism, postmodern, Self and Other, hybrid wars, epistemic security, imperialism, ecumene.

В данной работе мы в первую очередь хотели бы выразить некоторые сомнения в том, что постколониальные исследования, под которыми понимается междисциплинарная область исследований, претендующая на всеобъемлющее изучение того, что в общем виде и самом широком смысле можно определить как взаимодействие Запада и Чужого (Другого), является в достаточной мере самостоятельным, цельным и полновесным пространством научной деятельности. Далее без особых указаний мы будем обозначать под «постколониальными» в широком смысле все направления современных исследований, связанные с колонизацией.

Широта и практически неограниченное множество измерений области интересов исследователей в этой области, в том числе и направления временной перспективы; нередко экзотические научный профиль и биографии основателей теории постколониальных исследований, среди которых Э. Саид, Р. Гуа, Х. Бхабхи и ряд других; злободневность поднимаемых вопросов; частое обращение к культуре (во множестве значений — к массовой, художественной, повседневной и пр.) — всё это действительно позволило продвинуть и распространить эту актуальную повестку в междисциплинарный дискурс, но мы не уверены, что комплекс всего вышеперечисленного действительно можно справедливо назвать «целой» междисциплинарной областью гуманитарной науки.

При этом мы не можем подвергнуть сомнению теоретический аппарат и методологию, которые применяются для исследования с этих позиций необозримой нивы человеческой деятельности — политику и экономику, литературу и живопись и многие другие: общим знаменателем всех этих исследований выступают теоретические установки постмодернистской философии, подразумевающие отказ от универсальных знания и истин, поддержку и продвижение принципов плюрализма и многообразия. Поскольку постколониальные исследования обращаются, как отмечено выше, к материалам самого широкого спектра (художественным и пр.), для нас очевидно, что они по сути являются лишь очередной проекцией «вечного вопроса» взаимодействия «своего» и «чужого», отношений между «Я» и «Другим». В последние десятилетия и особенно годы, во многом благодаря предшествующему развитию и распространению общества потребления, а также вследствие совершенствования и внедрения информационных технологий во все сферы общественной жизни, объемы коммуникации в общественной жизни кратно возросли и интенсифицировались. По этой причине проблемы идентификации и репрезентации, границ и фронта, ценностей, диалога и критики значительно обострились, как добавив постколониальным исследованиям «топливо» содержания, так и оказав им информационную в идеологическом и практическом маркетинговом смысле поддержку.

Однако по факту внутри самих постколониальных исследований не так просто обнаружить какую-либо основательную конструкцию: пользуясь образами Ж. Делеза и П.-Ф. Гваттари, попытаемся охарактеризовать данные исследования как нечто сверхдинамичное, неустойчивое и текучее, неспособное сформировать устойчивые идентичности [Делез, Гваттари, 1998]. Добавим, что эта область является безусловно ангажированной и идеологизированной, что играет на руку ее популярности и

востребованности (особенно в рамках массовой культуры и идеологии, апофеозом расширения пространства которой стала так называемая эпоха постправды – состояние общества, в котором мы живем сейчас), но в научном плане все это не способствует формированию серьезного научного импульса.

М. Тлостанова, фактически изничтожая очевидно нерелевантный и близорукий, по ее мнению, опыт российских постколониальных исследований, отмечает при этом то, что и в остальном мире «...отношение к постколониальному дискурсу также крайне запутанно и его понимание остается размытым и дискутируемым...», и призывает множить пространство дискуссии и критики для выстраивания чего-то большего и конструктивного из противоборствующих или дистанцирующихся друг от друга деколониальных, постпостколониальных и неоколониальных исследовательских направлений [Тлостанова, 2020]. Мы полагаем, что если в рамках столь популярного и протяженного во времени дискурса отсутствуют продуктивный диалог и дискуссия или наблюдается только конфронтация, то это не в полной мере научный дискурс, а в некотором смысле франшиза, зонтичный бренд для конъюнктурного явления.

Но что еще более важно, мы хотели бы обратить внимание на не совсем полную релевантность и самого предмета постколониальных исследований, поскольку не можем быть полностью уверены в действительном крушении системы колониализма в мировой системе международных отношений и в культурном пространстве, в связи с чем переосмысление колониального наследия в качестве объекта этих исследований также представляется не совсем уместным и состоятельным.

Сегодня можно наблюдать не только очевидные тенденции, выражающиеся в виде экспансии консерватизма, распространения националистического дискурса, но и многообразия именно неоимперских амбиций. Отметим: по нашему мнению, это не означает, что после определенного момента наступило состояние постимперскости, а сегодня мы наблюдаем возрождение имперских идей с нулевой точки. Мы склонны утверждать, что термин «постимперский» в настоящее время не способен в полной мере отразить современную сущность и парадигму развития (мы имеем в виду политико-экономико-культурную экспансию государств и даже целых регионов, которые еще в прошлом столетии можно было в полной мере характеризовать как империи). Под этим понятием мы в самом широком смысле понимаем образования с наличием таких ярко выраженных структурных элементов, как метрополия и колонии, доминирующий государственный язык, культурная общность и т.д.

Напротив, мы бы хотели сделать фокус на актуальности термина «неоимперский», который скорее отражает специфику политического развития на современном этапе, когда произошел формальный отказ от разделения государств на «метрополии» и «колонии» и независимость закреплена в статутных документах этих стран, но которые тем не менее на практике нередко сохраняют достаточно тесные связи и несомненно оказывают друг на друга существенное воздействие, выражающееся в

традиционных приоритетных экономических контактах, иммиграционных потоках, культурно-религиозных обменах и т.д.

Объективного анализа ради необходимо упомянуть о существующих драйверах современной имперскости — они неравнозначны, разновелики и требуют особого взгляда. Ряд из них в своей основе имеет ярко выраженный милитаристский уклон, без сомнения узнаваемый в политике Турции. В 2022 г. директор управления по связям Администрации президента Турции Ф. Алтун издал книгу «Стабилизирующая сила в эпоху глобального хаоса: Турция», где описал модель главенствующей роли Турции в урегулировании глобального комплекса нерешаемых вызовов (которые фактически дублируют весь список проблем, на урегулирование которых направлены Цели устойчивого развития ООН) [Altun, 2022].

Другие новые имперские проекты движимы религиозно-культурным драйвером, который характерен, например, для Ирана. Для России, в частности, основная мотивация сегодня лежит в историко-культурной сфере. Формулируя и аргументируя эту позицию, Президент России Владимир Путин в интервью О. Стоуну в 2018 г. заявил, что считает распад Советского Союза крупнейшей катастрофой XX века [Стоун, 2019].

Таким образом, говоря о постколониальных исследованиях, можно привести параллель с нашумевшим исследованием Ф. Фукуямы «Конец истории или последний человек», в которой мыслитель провозгласил, что мировое распространение либеральной демократии становится финальной цивилизационной формой [Фукуяма, 2010]. Сегодня, спустя десятилетия после публикации книги, нам очевидно, что речь идет лишь о смене исторических циклов, в рамках которой одна «история» сменилась другой, или, скорее, та же самая переродилась в новом качестве.

В качестве примера можно привести отношения, сложившиеся и развивающиеся между Великобританией и странами Британского содружества наций; между Францией и Алжиром; между Турцией и тюркско-язычными странами. Мы привели эти отдельные иллюстрации, чтобы показать, что каждая из указанных систем на современном этапе взаимодействует или продолжает приоритетно взаимодействовать и развиваться не только в случаях, если они составляли единую империю в прошлом, но и тогда, когда относительно недавно отдельные элементы формально относились к различным империям, как это было с Турцией и Азербайджаном.

Примером, подтверждающим вышеприведенное высказывание, является политика Великобритании, которая с 1973 г. была членом Европейского экономического сообщества (позднее в 1993 г. преобразованного в Европейский союз), но впоследствии по результатам референдума, проведенного в 2017 г., отказалась от членства страны в ЕС. Казалось бы, Великобритания избавилась от колониального тренда, но Brexit продемонстрировал, что существовавшая конструкция не могла вместить скрытые британские имперские амбиции — нельзя надолго заключить большее в меньшем.

Еще одним интересным примером такого неоимперского взаимодействия в последние десятилетия могут служить отношения Саудовской Аравии с созданными в 1971 г. Объединенными Арабскими Эмиратами. Несмотря на то, что эти страны формально независимы друг от друга, невозможно не обратить внимание на их теснейшее взаимодействие и координацию действий практически во всех сферах межгосударственных отношений, начиная от религиозно-культурного и заканчивая военным сотрудничеством. При этом старая «метрополия» Эр-Риад не эксплуатирует ОАЭ в традиционном колониальном смысле, но по-прежнему остается религиозным оплотом и защитником относительно молодого Абу-Даби во всех сложных перипетиях современного международного развития региона и всей системы международных отношений.

Некоторые исследователи отрицают наличие имперской составляющей в квалификации процесса современного развития арабских государств Персидского залива, поскольку в нем отсутствует элемент подавления, который лежал в основе процесса изначального становления империи, когда метрополия военной силой подчиняла себе соседние территории, несмотря на их сопротивление. Сейчас, по-нашему мнению, этот элемент практически утратил свое значение, принимая в своей метаморфозе черты умеренного национализма и своеобразного религиозно-культурного превосходства по отношению к соседним государствам другого национально-религиозно-этнического типа. Более того, в неоимперских амбициях бывших метрополий на современном этапе мы четко отслеживаем жесткий акцент на элементы, подчеркивающие их праэтническую общность, в частности в области общего языка межгосударственного общения и культурно-религиозных ценностей.

Возвращаясь к примеру неоимперского взаимодействия Саудовской Аравии и ОАЭ, интересно отметить сам процесс определения или выбора современной модели развития отдельных элементов этой системы. Далее представлено персональное суждение автора, основанное на его личном профессиональном опыте.

«Практические исследователи» (в частности, современные бизнесмены из различных стран мира — по сути, «первооткрыватели» местных нефтяных активов) в течение последних десятилетий наблюдали и опосредованно участвовали в этих процессах (сложном взаимодействии Саудовской Аравии и ОАЭ), вольно или невольно став полевыми исследователями. В некотором роде взяв на себя роль этнографов и описателей происходящих трансформаций, они в рамках деловой активности проводили частные беседы и переговоры с местными политическими и религиозными авторитетами, которые впоследствии не нашли отражение в каких-либо официальных межгосударственных документах, и отмечали, что основатель ОАЭ, шейх бен Заид, в течение десятилетий аккуратно и настойчиво добивался от руководства Саудовской Аравии разрешения на изменение действовавшего в тот период в Дубае законодательства и порядков в отношении иностранцев, с тем, чтобы реализовать проекты масштабного жилищно-городского строительства и решить продажу объектов недвижимости иностранцам, хотя формально он в силу

своей власти и полномочий имел право не согласовывать такие решения. Однако это успешное согласование впоследствии исключило потенциальные конфликты в среде религиозных элит региона и выступило залогом следующего впечатляющего экономического и политического успеха Дубая и далее других Эмиратов, чему мы все являемся свидетелями сегодня.

И сегодня уже ОАЭ проводит активную имперскую политику, осуществляет военную, политическую и экономическую экспансию в регионе Ближнего Востока, в частности, используя прокси-вооруженные формирования в Йемене, создавая и развивая ряд военных баз на территории страны [Sheren, 2022].

При этом гибридность постимперскости, которую мы наблюдаем в данном случае, еще более масштабна. Нет сомнений, что доминирование в современных условиях невозможно без постоянного технологического совершенствования и развития в условиях ускорения времени. В мае 2022 г. было объявлено об открытии в метавселенной The Sandbox офиса первого госоргана, ответственного за регулирование криптовалютного рынка Дубая, что преследует, по словам руководства страны, цель превратить Дубай в мировой центр виртуальных активов [THE GDMO, 2022].

В этом примере мы можем видеть наличие ряда основных признаков, традиционно приписываемых имперской конструкции: значительный силовой потенциал, важная роль и высокая активность на внешнеполитической арене, наличие религиозной или национальной идеи, идеология, сильная власть.

Поэтому если можно говорить о завершении истории классических империй, то только в контексте трансформации их в империи нового, гибридного типа. Еще раз повторим, что этому способствовало ранее, а сейчас играет доминирующую роль развитие технологий, в частности, системы массовых коммуникаций. Также мы должны еще раз отметить, что завершение «классической» истории не тождественно концу истории как таковой, поскольку формирующийся на этой основе новый порядок проявляет влияние прошлого по всем основным категориям — культурным, идеологическим, экономическим, языковым, с неизменным доминированием бывшей метрополии и притяжению к ней ранее бывших колоний.

При этом, по нашему мнению, сейчас наблюдается качественное изменение самой логики имперского развития. По своей природе империя всегда направлена на рост, расширение самой себя, и это постоянно экстенсивный процесс, подразумевающий, что империя не имеет границ. Ранее империи расширялись, сдвигая границы ойкумены. Сегодня мы наблюдаем ускорение времени и свертывание пространства, что может привести к не совсем верному выводу, что имперская идеология осталась в прошлом.

Однако фантомные боли империй по былому казалось бы могуществу не только сохранились и продолжают существовать, но и являются жизнеспособными и мощными драйверами, которые успешно реализуют тенденции возрождения имперских амбиций, религиозных и идеологических экспансий (в частности,

упомянутая выше Турция нацелена на руководящую роль на территории от Средиземного моря до Персидского залива, в орбиту ее интересов вошли также и некоторые республики бывшего СССР: в частности, в Казахстане с 2017 г. осуществляется перевод алфавита казахского языка на основанный на латинской графике новый алфавит, аналогичный турецкому) [Электронное правительство Республики Казахстан, 2019].

Отдельного изучения с этих позиций требует ситуация с Китаем. Китайская империя с ее многотысячелетней историей взлетов и падений, тем не менее, возродилась под коммунистическим флагом и в свою очередь (последовательно и обособленно) претендует на собственную особую роль в мировой общественной жизни.

В этом смысле имперское в смысле философского понимания модели взаимоотношений политики, истории, религии, культуры, практически не прекращалось. Сегодня границы ойкумены расширяются в новых пространствах — смысловых (эпистемических — именно здесь мощным оружием является культура отмены) и цифровых (упомянутые выше метавселенные, которые становятся гораздо большим, чем пространством для работы, общения и развлечений).

Таким образом имперская сущность возродилась в новой ипостаси, хотя составляющие ее явления несколько трансформировались в рамках нового геополитического дискурса, но тем не менее стремление мыслить постколониально кажется нам непозволительной роскошью. Поэтому постколониальные исследования представляются в некотором роде иллюзорной деятельностью, «вещью в себе», и, на наш взгляд, это бесплодная попытка переосмыслить колониальное «прошлое», которое на самом деле не кануло в Лету, а, напротив, продолжает развиваться и воплощается прямо на наших глазах во множестве форм и проявлений.

В этом смысле могло бы быть продуктивным в первую очередь направить научную работу на осмысление и попытку заново сформулировать предмет исследования, исторические особенности и внутренние драйверы развития неоимперских тенденций, что позволит максимально четко определить линии разломов своеобразных геополитических, культурных и пр. тектонических плит современных международных и, в широком смысле, общественных процессов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М., СПб.: Ин-т экспериментальной социологии; Алетея, 1998. 286 с.

Интервью Оливеру Стоуну. Владимир Путин ответил на вопросы американского кинорежиссера, сценариста и продюсера Оливера Стоуна. 19 июля 2019 года // *Президент России*. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61057> (дата обращения — 20 мая 2022 г.).

Поэтапный переход казахского алфавита на латинскую графику // *Электронное правительство Республики Казахстан*. URL: <https://egov.kz/cms/ru/articles/culture/Alfavit-kazahskogo-yazyka-na-latinice> (дата обращения – 20 мая 2022 г.).

Тлостанова М. Постколониальный удел и деколониальный выбор: постсоциалистическая медиация // *Новое литературное обозрение*. 2020. № 1(161). С. 66–84.

Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ: Полиграфиздат, 2010. 588 с.

Dubai's Virtual Assets Regulatory Authority becomes world's first regulator to make its debut in Metaverse // *THE GDMO*. URL: <https://mediaoffice.ae/en/news/2022/May/03-05/Dubai-Virtual-Assets-Regulatory-Authority-becomes-world-first> (дата обращения – 20 мая 2022 г.).

Altun F. Türkiye as a Stabilizing Power in an Age of Turmoil. Author: Altun, Fahrettin, Professor // *ACADEMICA PRESS*. URL: <https://www.academicapress.com/node/547> (дата обращения – 20 мая 2022 г.).

Sheren Kh. UAE deeply involved in Yemen despite claims of withdrawal, experts say // *Middle East Eye*. URL: <https://www.middleeasteye.net/news/uae-yemen-conflict-deeply-involved-experts-say> (дата обращения – 20 мая 2022 г.).

REFERENCES

Delez ZH., Gvattari F. *Chto takoye filosofiya?* [What is philosophy?]. Moscow, St. Petersburg: In-t eksperimental'noi Sotsiologii Publ.; Aletya Publ., 1998. 286 p. (in Russian).

Interv'yu Oliveru Stounu Vladimir Putin otvetil na voprosy amerikanskogo kinorezhissëra, stsënarista i prodyusera Olivera Stouna [Interview with Oliver Stone Vladimir Putin answered questions from American film director, screenwriter and producer Oliver Stone], in *Prezident Rossii* [President of Russia]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61057> (accessed 20 May 2022).

Poetapnyy perekhod kazakhskogo alfavita na latinskuyu grafiku [Gradual transition of the Kazakh alphabet to the Latin script], in *Elektronnoye pravitel'stvo Respubliki Kazakhstan* [Electronic government of the Republic of Kazakhstan]. Available at: <https://egov.kz/cms/ru/articles/culture/Alfavit-kazahskogo-yazyka-na-latinice> (accessed 20 May 2022).

Tlostanova M. Postkolonial'nyy udel i dekolonial'nyy vybor: post-sotsialisticheskaya mediatsiya [Postcolonial destiny and decolonial choice: postsocialist mediation], in *Novoye literaturnoye obozreniye*. 2020. No. 1(161). Pp. 66–84 (in Russian).

Fukuyama F. *Konets istorii i posledniy chelovek* [The End of History and the Last Man]. Moscow: AST: Poligrafizdat Publ., 2010. 588 p.

Dubai's Virtual Assets Regulatory Authority becomes world's first regulator to make its debut in Metaverse, in *THE GDMO*. Available at: <https://mediaoffice.ae/en/news/2022/May/03-05/Dubai-Virtual-Assets-Regulatory-Authority-becomes-world-first> (accessed 20 May 2022).

Altun F. Türkiye as a Stabilizing Power in an Age of Turmoil. Author: Altun, Fahrettin, Professor, in *ACADEMICA PRESS*. Available at: <https://www.academicapress.com/node/547> (accessed 20 May 2022).

Sheren Kh. UAE deeply involved in Yemen despite claims of withdrawal, experts say, in *Middle East Eye*. Available at: <https://www.middleeasteye.net/news/uae-yemen-conflict-deeply-involved-experts-say> (accessed 20 May 2022).

Статья принята к публикации 13.06.2022

СОВРЕМЕННЫЙ РОМАН И УЯЗВИМОСТЬ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА

Джумайло Ольга Анатольевна

Южный федеральный университет,

Ростов-на-Дону, Россия

oadzhumaylo@sfedu.ru

Аннотация. В статье утверждается, что роман с постколониальной проблематикой выступает как часть интеллектуально-ценностной ревизии любой «империалистической» концепции. Поясняется специфика влияния теории постколониализма на интерпретацию художественных текстов, а также дается обзор современных конфигураций постколониальной проблематики. Художественная культура последних десятилетий предлагает большое разнообразие позиций, тем, локусов, ассоциируемых с постколониализмом в узком и широком понимании данного феномена. При этом характерная для художественного дискурса возможность органичного сочетания экзистенциально-личной, национальной и универсальной проблематики позволяет представить драму постколониального субъекта как результат локальных исторических, политических, общественных и иных факторов, избегающих демаркации и типизации. «Постколониальная» тема все чаще проблематизирует самое себя в духе деколониального проекта и становится эмблемой потенциальной уязвимости и прекарности существования каждого.

Ключевые слова: постколониализм, деколониальный проект, современный роман, прекарность, постколониальный субъект.

Цитирование: Джумайло О.А. Современный роман и уязвимость постколониального субъекта // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 3. С. 154–161. DOI 10.18522/2500-3224-2022-3-154-161 / Dzhumaylo O.A. Contemporary Novel and Precarity of Postcolonial Subject, in Novoe Proshloe / The New Past. 2022. No. 3. Pp. 154–161. DOI 10.18522/2500-3224-2022-3-154-161.

© Джумайло О.А., 2022

THE CONTEMPORARY NOVEL AND THE VULNERABILITY OF THE POSTCOLONIAL SUBJECT

Dzhumaylo Olga A.

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
oadzhumaylo@sfedu.ru

Abstract. The paper argues that postcolonial novel acts as part of the intellectual revision of any “imperialist” discourse. The specifics of the influence of the theory of postcolonialism on the interpretation of literary texts is explained, as well as an overview of contemporary configurations of postcolonial issues is given. The novel writing of the last decades offers a variety of stands, themes, local particulars associated with postcolonialism in the narrow and broad understanding of this phenomenon. At the same time, the possibility of combination of existential, national and universal issues characteristic for artistic discourse makes it possible to introduce the drama of a postcolonial subject as a result of local historical, political, social and other factors that avoid demarcation and classification. The “postcolonial” theme increasingly problematizes itself in the spirit of the decolonization project and becomes an emblem of the potential vulnerability and precarity of everyone’s existence.

Keywords: postcolonialism, decolonization project, modern novel, precarity, postcolonial subject.

Постколониализм, как известно, одновременно обозначает хронологический момент в истории, политическое движение и теоретико-интеллектуальную деятельность, и именно этот множественный статус феномена затрудняет его точное определение. Отметим, однако, что первые антиколониальные художественные тексты, написанные будто из самого «сердца тьмы», предшествовали появлению постколониальной теории на Западе. В этом, на мой взгляд, воплощается особенность художественного мышления — подобно сейсмографу улавливать точки обнажения социальных и экзистенциальных проблем. Возможно, именно это делает фигуру Джозефа Конрада, написавшего «The Heart of Darkness» в 1899 г., такой неоднозначной: к тому времени, когда постколониальная теория выступила как масштабная концепция и получила название, бывшие колонии уже обрели свою независимость и антиколониальный пафос автора сменился постколониальными рефлексиями его потомков-интеллектуалов. Подобным образом роман Джин Рис «Wide Sargasso Sea» (1966) в ретроспективном прочтении оказывается идеальной иллюстрацией постколониальности, а потом и деколониальности. Более того, на протяжении десятилетий постколониальный роман либо обращался к историческому прошлому (не случайно постколониальный роман часто рассматривают в контексте исследований травмы), либо к сложному гибридному настоящему тех, кто ныне свободен, но все же определяет свой опыт в категориях пост- или деколониальности [Hawas, 2020, p. 159]. Поэтому так важно понять, какие новые прогнозы возникают в художественных интерпретациях данной темы.

Если для историков постколониализм — это преимущественно работа с колониальными архивами, реконструкция истории колониализма, его форм, культурных, экономических и политических инструментов и целей с опорой на конкретные локальные (территориальные, межэтнические, религиозные, политические и пр. контексты), то для современной художественной практики — постколониальность стала эмблемой уязвимости как таковой. «Другим» может быть и любой другой член общества, выталкиваемый на обочину, систематически лишаемый прав на собственный голос: отсюда значительное влияние теоретиков постколониализма на феминистские, гендерные, квир-исследования, исследования класса, постгуманизма и пр.

Для осмысления художественной литературы наиболее важна именно постколониальная теория как модус постструктуралистской ревизионистской концепции чтения. Иными словами, постколониальная критика подвергает «герменевтике познания» общезначимые тексты, выявляя в них стереотипизацию и практики подавления «другого». Стандартный «другой» — представитель иной расы, культуры, этноса, субъект бывшей колонии, мигрант, член диаспоры, выходец из гетто и т.п. Внимание к чтению, необходимость обнаружения новой партитуры интерпретации текстов культуры — основной фокус постколониальной теории Эдварда Саида, профессионального литературоведа. В новом прочтении и желаемый пафос борьбы за передел культурной карты мира: заглавие одного из ключевых трудов теоретиков

постколониализма «The Empire Writes Back» (1989) не без юмора отсылает к популярным Star Wars.

Постколониальная художественная литература, помимо собственно рефлексий о колониальном прошлом и сложном (неоколониальном, гибридном, космополитичном) настоящем, в силу своей специфики погружения в перипетии судьбы и воссоздания опыта конкретного человека, наиболее заостряет вопросы идентичности и права на ее выражение. «Могут ли угнетенные говорить?» — действительно ось постколониального романа, в котором право на рассказ буквально передается представителям тех, чей голос замалчивается. В отношении художественных текстов, имеющих постколониальный регистр, какую бы жанровую форму они не приобретали, в центре внимания свободный от непосредственной колониальной зависимости человек, осознающий свою слабость перед негласными культурными практиками гегемона и/или собственными повседневными практиками подчинения. Так, ныне знаменитые художественные тексты Джин Рис «Wide Sargasso Sea», Д.М. Кутзее «Фое», Кэрил Филлипс «The Lost Child», использующие в качестве претекста европейскую классику, делают безголосых креолку Бертю, туземца Пятницу и найденыша Хитклифа главными поводами для «контрапунктного» чтения (Саид). В большинстве текстов именно инстанция говорения, часто в форме автобиографического и исповедального повествования, существенно меняет всю концептуальную конструкцию. Максимальное сближение с героем и сопереживание его тревогам делает «другого» близким, позволяет подвергнуть сомнению социальный протокол и само современное мышление, в котором доминирует демаркация. Таким образом, постколониальный роман выступает как часть серьезной интеллектуально-ценностной ревизии любой «империалистической» концепции.

Сейчас это могут быть и книги в жанре мемуаров, и романы в форме магического реализма, и комические женские романы, и сценарии популярных сериалов. Более того, в пост- и деколониальной полемике фикшн и нон-фикшн гораздо чаще поднимаются проблемы расы, класса, сексуальности, гендера, экзистенциального проекта «я» [Тлостанова, 2008]. Ярким примером здесь выступает Ханиф Курейши, прогремевший еще в 1980 г. своим «The Buddha of Suburbia», а сегодня это американская писательница нигерийского происхождения Чимаманда Нгози Адичи, известная своими феминистскими выступлениями и романами, буквально иллюстрирующими постколониальный словарь и его деколониальную проблематизацию.

Постколониальная позиция заметна в работах целого ряда писателей, рассматривающих историю Шотландии, Ирландии и Уэльса как «внутреннюю колонизацию». Дискуссии вокруг исторического наследия колониализма и диаспоры «внутри Империи» привели к новому шотландскому ренессансу — оригинальным размышлениям таких писателей, как Шеймус Дин, Адам Торп и Ирвин Уэлш о том, что значит быть привязанным к патерналистским культурным дискурсам и пробовать по-новому «конструировать национальную идентичность в коллективном воображении» [Bentley, 2008, p. 160]. Одним из первых в экспериментальной форме заявил об этом шотландский постмодернист Аласдер Грей. В романе «Poor Things» (1992)

возникает не только развернутая интеллектуальная дискуссия по поводу колониализма между англичанином, русским и американцем, но и ревизия виктимной и подчиненной позиции Шотландии, возникающей в образе Беллы Каледонии с первых страниц романа. Белла-Виктория берет реванш, отстаивая свое право на независимость, что должно быть прочитано как национально-патриотический призыв к окончательной культурной деколонизации.

В этом отношении неоколониальная и неоимпериалистическая проблематика романа сегодня (в эпоху, начинающую забывать о колониальном прошлом) обнажает не прямые формы власти культурных гегемонов, часто в форме бытовых практик. Проблемам «детей третьей культуры» (third-culture kid), положению между разными культурными паттернами (in-betweenness), тому, как чувствует и кем мыслит себя, например, уроженка Ямайки или пакистанец во втором поколении, живущие в Лондоне или Нью-Джерси, посвящен не один роман. Об этом (и не только) знаменитые романы Зэди Смит, Салмана Рушди, Тимоти Мо.

Более того, сегодня представители разных культур обрели мобильность, и постколониальные тексты появились по всему миру вне прямой связи с принадлежностью того или иного писателя к культуре бывшей колонии и памятью о травме, нанесенной конкретной страной-империалистом. Таков успешный роман Киран Десаи «The Inheritance of Loss» (2006). Подобная траектория пути и у Джумпы Лахири, прославленной писательницы бенгальского происхождения, вместе с родителями переехавшей из Индии в США. Ее романы повествуют об опыте нескольких поколений мигрантов, об их неизбывной неукорененности. Несколько лет назад сама писательница приняла решение жить в Италии и писать на итальянском (позиция добровольного изгнанника весьма характерна и для теоретиков постколониализма).

В форме популярного жанра драмеди-сериала вопросы религиозного, культурного и политического характера изнутри самой повседневности поднимает Рами Юссеф, американский комик с египетскими корнями. Так, в одном из эпизодов «Ramy» (2019, 4 серия) возникает автобиографический сюжет воображаемого разговора двенадцатилетнего мальчика с Бен Ладеном как выражение сомнений ребенка в том, что после 11 сентября 2001 г. он не перестанет быть обыкновенным американцем, другом, «своим» (классический вопрос «Do you belong?»). Сын мигрантов-мусульман мгновенно ощущает свою уязвимость, показанную в серии бытовых эпизодов, однако наиболее показательная деталь в том, что именно в этот день началась его дружба с мальчиком-инвалидом. Маргинализация происходит не в сфере ограничения прав, а в форме повседневных практик отчуждения.

Сложный статус постколониального субъекта теперь воплощает не гражданское бесправие, а состояние прекарности. Это поражает в дебютном романе Аравинда Адиги «The White Tiger» (2008), в котором инвективы по поводу колониального наследия британцев отступают перед всеобщей прекарностью существования, попытками деколонизации сознания, имеющими свою кровавую цену. Освобождение из «клетки» мышления (главная метафора романа) разрывает все возможные

человеческие и национальные узы, превращает в убийцу, но не спасает от пронзительной уязвимости. Здесь мне видится и характерный для сегодняшнего дня поворот в трактовке постколониальной темы в литературе, написанной как мигрантами, так и «коренными» резидентами бывшей империи.

Современные художественные произведения нередко обращаются к образам мигрантов как выражению крайней критической позиции в отношении проблем всего общества, подчеркивая напряженность и ощущение социальной уязвимости каждого. Романы разных жанров, в которых обсуждаются социальные и политические проблемы, и в частности Брексит, дают целую панораму общественных настроений, но страницы, посвященные постколониальным проблемам как наиболее болезненным и искаженно представленным в средствах массовой информации, выступают эмблемой буквального отрицания «другого» и всякой сострадательности. В романе Али Смит «Autumn» (2016), написанном в свойственной автору модернистской экспериментальной манере, упоминается The Calais Jungle, лагерь беженцев, закрытый в 2016 г., есть в нем место и перефразу шекспировской «Бури» (кстати, это один из любимых текстов теоретиков постколониализма), и реакции на ностальгию по духу былой империи в характерном постколониальном ключе: «Правь, Британия! — скандировала кучка отморожков напротив квартиры Элизавет на выходных. — Сперва мы доберемся до ляхов, а потом до муслимов. Потом доберемся до ромал, а потом до голубых. В ту же субботу, во время дискуссии на “Радио 4”, представитель правого крыла крикнул женщине — члену парламента: “Вы драпаете, но мы за вами еще придем”. Ведущий дискуссии не выступил с критикой, никак не прокомментировал и даже не признал того, что прозвучала угроза. Вместо этого он дал последнее слово члену парламента от партии тори, который использовал оставшиеся тридцать минут передачи для разговора о реальной и тревожной причине “для беспокойства” — не об открытой угрозе, только что высказанной в прямом эфире одним человеком другому, а о проблеме “иммиграции”. Элизавет слушала передачу в ванной. После этого она выключила приемник и задумалась, сможет ли теперь слушать “Радио 4” так же наивно, как раньше. В ушах у нее произошел переворот. Точнее, не в ушах, а в мире. Произошел переворот. Под толщей...» [Смит, 2018].

Романы последних лет воскрешают в памяти и знаменитую речь Эноха Пауэлла 1968 г., нередко фигурирующую как образец неоколониального дискурса. Даже сегодня можно видеть, что Великобритания сохраняет, открыто или нет, свои империалистические позиции в отношении мигрантов, живой памяти о своих бывших колониях. Однако самое примечательное, что постколониальный роман перестал быть узнаваемым романом о колониализме. В нем критикуются злоупотребления властью политиками и капиталистами, но он не имеет прямого отношения к той власти, которую колонизаторы имели над покоренными странами. Современный британец также чувствует себя в роли «колонизируемого», а свое положение мыслит как прекарное. Не удивительно, что он видит угрозу собственным правам и в искусственно насаждаемой политкорректности: «— Эти люди не знают, о чем говорят, — продолжил он. — Эта так называемая терпимость... Каждый день

сталкиваешься с людьми, которые нисколько не терпимы, будь то сотрудники магазинов или обычные прохожие на улице. Может, ничего агрессивного они и не говорят, но видно по их глазам и вообще по тому, как они себя ведут с тобой. И им хочется что-нибудь сказать. О да, им хочется применить к тебе какое-нибудь запретное слово или же просто сказать тебе, чтоб съ[...]. Являл обратно в свою страну — где бы она, по их разумению, ни была, — но им нельзя» [Коу, 2019]. В романе Джонатана Коу «Middle England» (2018), пожалуй, самого известного из британских сатириков сегодня, подчеркивается «постколониальный» статус работников из Восточной Европы, оказавшихся на положении мигрантов в Англии. Коу будто намеренно лишает их права на сострадательность со стороны «хозяев», но в горькой сатире идет дальше, показывая озлобленность как часть бытового протокола, потенциально ведущего к правовому бесправию (одна из героинь не желает свидетельствовать в пользу своей работницы, приехавшей из Латвии), проявлению физического насилия, поиску политического «козла отпущения». Не случайно Коу делает Бирмингем эпицентром настроений Брексита. Консервативная патриархальная Англия, некогда место, ассоциируемое с Широм и его гостеприимными хоббитами, теперь источник ксенофобии, спровоцированной ощущением тревоги, страхом утраты социального положения, ужаса перед «обратной колонизацией» (*colonization in reverse*). Один из героев Коу так вспоминает историческое выступление Пауэлла: «... речь, цепляются за нее, за слова, произнесенные перед бирмингемской публикой политиком — уроженцем Бирмингема, какое сильное впечатление эта речь произвела на них как выражение сущностной, однако непроизносимой истины и просидела тишком в их сердцах, словно рак, гноясь... Иисусе, уже пятьдесят лет. Полвека! Всего лишь на прошлой неделе Би-би-си показала ее еще раз...» [Коу, 2019].

Современная художественная литература предлагает большое разнообразие позиций, тем, локусов, ассоциируемых с постколониализмом в узком и широком понимании данного феномена. При этом характерная для художественного дискурса возможность органичного сочетания экзистенциально-личной, национальной и универсальной проблематики позволяет представить драму постколониального субъекта как результат локальных исторических, политических, общественных и иных факторов, избегающих универсальной демаркации и типизации. «Постколониальная» тема все чаще проблематизирует самое себя в духе деколониального проекта и становится эмблемой потенциальной уязвимости и прекарности существования каждого.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Коу Дж. Серединная Англия. Пер. на русский язык Ш. Мартынова. М. : Фантом Пресс, 2019. 480 с. URL: <https://www.litres.ru/jonathan-coe/sredinnaya-angliya/> (дата обращения — 10 мая 2022 г.).

Тлостанова М. Деколониальный проект: от политической деколонизации к деколонизации мышления и сознания // *Личность. Культура. Общество*. 2008. № X, 5–6 (44–45). С. 170–183.

Тлостанова М. Деколониальный проект: от политической деколонизации к деколонизации мышления и сознания // *Личность. Культура. Общество*. 2009. № XI, 1 (46–47). С. 143–157.

Смит А. Осень. Пер. на русский язык Нугатов В. М.: Эксмо, 2018. 160 с. URL: <https://www.litres.ru/ali-smit/osen/> (дата обращения – 10 мая 2022 г.).

Bentley N. *Contemporary British Novel*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2008. 245 p.

Hawas M. What if the Fictions Were Real? The Postcolonial Novel from the Viewpoint of the Postcolonials // *Studies in the Novel*. 2020. Vol. 52. № 4. Winter. Pp. 459–477.

REFERENCES

Kou Dzh. Seredinnaya Angliya [Middle England]. Translation into Russian by Martynova Sp. Мщыщц: Fantom Press, 2019. 480 p. Available at: <https://www.litres.ru/jonathan-coe/sredinnaya-angliya/> (accessed 10 May 2022).

Tlostanova M. Dekolonial'nyy proyekt: ot politicheskoy dekolonizatsii k dekolonizatsii myshleniya i soznaniya [Decolonial project: from political decolonization to decolonization of thinking and consciousness], in *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. 2008. No. X, 5–6 (44–45). Pp. 170–183 (in Russian).

Tlostanova M. Dekolonial'nyy proyekt: ot politicheskoy dekolonizatsii k dekolonizatsii myshleniya i soznaniya [Decolonial project: from political decolonization to decolonization of thinking and consciousness], in *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. 2009. No. XI, 1 (46–47). Pp. 143–157 (in Russian).

Smit A. Osen' [Autumn]. Translation into Russian by Nugatov V. Moscow: Eksmo, 2018. 160 p. Available at: <https://www.litres.ru/ali-smit/osen/> (accessed 10 May 2022).

Bentley N. *Contemporary British Novel*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2008. 245 p.

Hawas M. What if the Fictions Were Real? The Postcolonial Novel from the Viewpoint of the Postcolonials, in *Studies in the Novel*. 2020. Vol. 52. № 4. Winter. Pp. 459–477.

Статья принята к публикации 13.06.2022

ПЕРЕЖИВАЯ (ДЕ)КОЛОНИЗАЦИЮ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ

Малкин Станислав Геннадьевич

Самарский государственный социально-педагогический университет,
Самара, Россия
s.g.malkin@mail.ru

Аннотация. Представленные тезисы являются частью дискуссии об истории и современных проявлениях опыта (де)колониализации в рамках более широкой темы актуального наследия «бремени белого человека» в современных политических, экономических, социальных, культурных процессах, как в бывших (формальных и неформальных) колониях, так и в метрополиях. Автор предлагает по этому случаю три тезиса и проводит аргументы в обоснование заявленной позиции. Первый связан с феноменом непрерывности процесса реактуализации центрального понятия заявленной для обсуждения проблемы — «(де)колониализация», обусловленной конкретными историческими обстоятельствами. Второй постулирует необходимость учитывать хронологическую и географическую асинхронность (де)колониализации с точки зрения эволюции не только современных империй, но и международных отношений — в рамках перехода от эпохи глобальных колониальных империй к эпохе ядерных супердержав. Третий тезис заключается в том, что опыт постколониальной трансформации новых независимых стран обнаруживает амбивалентный характер (де)колониализации, не описываемый в рамках дихотомии классического постколониального подхода. В заключение автор высказывает мысль о необходимости применения двойной аналитической рамки при изучении феномена (де)колониализации: во-первых, с историографической точки зрения, в каждом отдельном случае целесообразно определять «точку отсчета» понимания и осмысления заявленной темы — личностный и общественно-политический контекст рассуждений, влияющий на выбор фокусов ее изучения; во-вторых, с методологической точки зрения необходимо искать для каждого случая оптимальный баланс методов постколониальной критики и новой истории империй, имея в виду, что (де)колониализация — это всегда процесс с двусторонним движением.

Ключевые слова: (де)колониализация, постколониальная эпоха, колониализм, империализм, ориентализм, трансферы.

Цитирование: Малкин С.Г. Переживая (де)колониализацию: исторический опыт и современные практики // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 3. С. 162–172. DOI 10.18522/2500-3224-2022-3-162-172 / Malkin S.G. Facing (De)Colonization: Historical Experience and Current Practices, in Novoe Proshloe / The New Past. 2022. No. 3. Pp. 162–172. DOI 10.18522/2500-3224-2022-3-162-172.

© Малкин С.Г., 2022

FACING (DE)COLONIZATION: HISTORICAL EXPERIENCE AND CURRENT PRACTICES

Malkin Stanislav G.

Samara State University of Social Sciences and Education,
Samara, Russia
s.g.malkin@mail.ru

Abstract. The theses presented are part of a discussion about the history and contemporary manifestations of the (de)colonization experience within the broader theme of the actual legacy of the “white man’s burden” in modern political, economic, social, cultural processes, both in former (formal and informal) colonies and in metropolises. The author proposes three theses on this occasion and makes arguments in support of the stated position. The first is associated with the phenomenon of continuity of the reactualization process of the central concept of the problem declared for discussion – “(de)colonization”, due to specific historical circumstances. The second postulates the need to take into account the chronological and geographical asynchronicity of (de)colonization in terms of the evolution of not only modern empires, but also international relations – as part of the transition from the era of global colonial empires to the era of nuclear superpowers. The third thesis is that the experience of postcolonial transformation of newly independent countries reveals an ambivalent nature of (de)colonization not described within the dichotomy of the classical postcolonial approach. In conclusion, the author expresses the idea of the need to use a double analytical framework when studying the phenomenon of (de)colonization: firstly, from a historiographic point of view, in each individual case it is advisable to determine the “starting point” of understanding and thinking about the declared topic – the personal and socio-political context of reasoning, which affects the choice of focuses for its study; secondly, from a methodological point of view, it is necessary to look for each case the optimal balance of the methods of post-colonial criticism and the new history of empires, bearing in mind that (de)colonization is always a two-way process.

Keywords: (de)colonization, postcolonial age, colonialism, imperialism, orientalism, transfers.

В рамках обсуждения заявленной проблемы считаю необходимым предложить и прокомментировать три взаимосвязанных (и взаимообусловленных) тезиса, которые, как представляется, в наибольшей степени отражают относительность и неоднозначность понятия «колонизация» со всеми возможными префиксами, меняющими полярность академических и общественно-политических суждений по этому случаю применительно как к различным историческим контекстам, так и к современным реалиям. Во-первых, привлекает внимание феномен непрерывности процесса реактуализации центрального понятия заявленной для обсуждения проблемы, обусловленной конкретными историческими обстоятельствами. Во-вторых, крайне важно учитывать хронологическую и географическую асинхронность процессов (де)колонизации с точки зрения эволюции не только современных империй, но и международных отношений — в рамках перехода от эпохи глобальных колониальных империй к эпохе ядерных супердержав. В-третьих, опыт постколониальной трансформации новых независимых стран обнаруживает амбивалентный характер (де)колонизации, отнюдь не описываемый в рамках дихотомии классического постколониального подхода.

НЕПРЕРЫВНОСТЬ ПРОЦЕССА РЕАКТУАЛИЗАЦИИ (ДЕ)КОЛОНИЗАЦИИ

Вопросы, связанные с тем, какую роль восприятие (де)колонизации играет в современных представлениях об особенностях национального и государственного строительства в бывших колониях, остаются открытыми (в том числе — для бывших метрополий). Следствием такого «непредсказуемого прошлого» европейских колониальных империй является постоянная угроза стремительного перерождения академического спора об особенностях колониальной политики в прошлом в публичную и весьма ангажированную полемику по поводу наследия империй уже в наши дни. В качестве наиболее показательных примеров стоит вспомнить «войну с памятниками» собственной колониальной истории, развернувшуюся в США и некоторых европейских странах в 2020 г., или совсем недавние призывы «деколонизировать Россию», периодически раздающиеся на страницах американской печати и в Конгрессе США (Комиссия по безопасности и сотрудничеству в Европе) с мая 2022 г., в действительности реанимированные еще со времен начала Холодной войны, когда в 1947 г. при поддержке Вашингтона был создан «Союз борьбы за освобождение народов России», а в 1959 г. принята резолюция Конгресса США о ежегодном проведении «Недели порабощенных народов».

При этом на относительно недавних громких процессах в Высоком суде Лондона по делам малайцев и кенийцев, подвергшихся пыткам во время режима чрезвычайного положения в Малайе и Кении в 1950-е гг., в качестве официально приглашенных экспертов выступали профессиональные историки, Хью Беннетт и Карл Хэк, получившие в рамках слушаний доступ к «случайно» обнаруженному в 2012 г. архиву Министерства по делам колоний Великобритании [об академических аспектах этого события см. подробнее: Badger, 2012, p. 799–807]. Схожим образом

претерпевала затяжную трансформацию профессиональных функций, приобретая характер академической дисциплины, способной к актуальной политической экспертизе, историческая наука во Франции — в связи с табуированной вплоть до начала 1990-х гг. темой войны за независимость Алжира 1954–1962 гг. Соответственно, значение профессиональных исторических исследований на этом поле будет только возрастать, в том числе по причинам не академического свойства.

Так, в современной историографии проблема трансфера моделей колониального порядка во внешней политике США, начиная с интервенций в Латинской Америке в конце XIX–первой половине XX в. и заканчивая военными кампаниями на Ближнем и Среднем Востоке в первой четверти XXI в., осмысливается как в стратегическом смысле, подразумевая геополитическое наследие эпохи глобальных империй, так и в операционно-тактическом, имея в виду конкретные шаги по применению европейского колониального опыта в осуществлении внешнего управления. Показательны названия тематических выпусков ведущих западных журналов в области военно-стратегических исследований в 2001–2014 гг., многие статьи в которых касались (пост)колониального опыта европейских держав. Характерен сам язык этих работ: «историческое антиповстанчество», «стратегическая история», «исторические малые войны»¹. Поиски универсального рецепта операций стабилизации стали предметом бурной историографической рефлексии по выявлению пределов аналитических возможностей исторического моделирования современных асимметричных конфликтов (прежде всего, в Ираке и Афганистане)².

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ И ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ АСИНХРОННОСТЬ (ДЕ)КОЛОНИЗАЦИИ

В начале XX в. само понятие «империализм» являлось неологизмом. Как полагает Адам Туз, характеризуя отношения между державами Антанты во время и после Великой войны, «современный глобальный империализм представлял собой новую

---

¹ Journal of Strategic Studies. Vol. 28. 2005. Special Issue: Strategy & Small Wars; Journal of Strategic Studies. Vol. 32. 2009. Special Issue: «Hearts and Minds»? British Counter-Insurgency from Malaya to Iraq; Small Wars & Counterinsurgencies. Vol. 23, No. 4–5, 2012. Special Issue: British Ways of Counter-Insurgency: A Historical Perspective; Small Wars and Insurgencies. Vol. 25, No. 3, 2014. Special Issue: Influence without power? Reframing British concepts of military intervention after ten years of counterinsurgency; Small Wars & Counterinsurgencies. Vol. 25, No. 4, 2014. Special Issue: The Origins of Small Wars: from Special Operations to Ideological Insurgencies; в качестве примера реакции исторического сообщества: British Journal for Military History. Vol. 1, Issue 2, 2015. Special Issue: Case studies in colonial counter-insurgency.

² Соответствующим образом выглядит тематика конференций по этой проблеме: Hearts and Minds: British Counter Insurgency from Malaya to Iraq. Royal United Services Institute. London, 21 September, 2007; «Butcher and Bolt» or «Hearts and Minds»? British Ways of Countering Colonial Revolt: A Historical Perspective. Institute of Historical Research, London. 15–16 September, 2011; New Ways of War? Insurgencies, «Small Wars», and the Past and Future of Conflict. Clinton Institute for American Studies, University College Dublin. 1–2 June, 2011; The Small Wars: From Special Operations to Ideological Insurgencies. National Army Museum, London. 25 March, 2013; Colonial Counterinsurgency in Comparative Perspective. The University of Exeter. 18–19 September, 2014.

радикальную силу и не был пережитком старого мира» [Туз, 2017, с. 42]. Эту же мысль веком ранее высказал известный британский экономист Джон Аткинсон Гобсон, указавший в одноименной работе, «Империализм», ставшей классикой мировой политэкономии, на принципиальную новизну этого явления в истории международных отношений к началу XX в. [Гобсон, 2018 (1902)]. Один из наиболее примечательных парадоксов (де)колонизации, таким образом, заключается в том, что ко времени, когда колониальный передел мира был в основном завершен, идейное осмысление его последствий с точки зрения формирования новой модели внешней, а во многом и внутренней, политики ведущих держав и характера международных отношений еще только приближалось к той интерпретационной рамке, которая станет для нее ключевой.

Перспективной аналитической призмой в этом случае может стать анализ тех форм колониального контроля, которые эволюционировали в различные практики внешнего управления с началом Холодной войны. В таком случае вопрос трансформации колониального опыта в экспертное знание в форме становления региональных исследований и расцвета стратегических исследований в эпоху ядерных сверхдержав необходимо понимать еще и как часть более широкого и чувствительного процесса перехода от колониальной эпохи к постколониальной. Рассмотрение процесса деколонизации в широких хронологических рамках — с окончания Великой войны и до середины 1960-х гг. — позволяет выявить новые линии разрыва и преемственности между подходами к обеспечению колониального контроля до и после 1945 г. Такой ракурс позволяет скорректировать привычные выводы постколониальных исследований о преимущественно силовом характере имперской экспансии, пересмотреть традиционные взгляды на связь между эволюцией государственных институтов метрополий и колониальной политикой, подойти к изучению колониального знания как составной части аналитического инструментария принятия решений ведущих держав в условиях перехода от эпохи глобальных империй к эпохе ядерных сверхдержав.

Одновременно целесообразно уделять больше внимания «эффекту бумеранга» Ханны Арендт в динамике отношений между метрополиями и зависимыми территориями [Arendt, 1970, p. 54]. При этом ее интерпретация нуждается в корректировке. События второй половины XX–начала XXI в. показали, что попытки буквально перенести колониальные модели управления, игнорируя пространство (культурно-историческую специфику) и время (конкретные социально-экономические и политические обстоятельства) едва ли могут оказаться успешными.

Показательный пример — циркуляция идей и практик в этом вопросе между Ирландией и колониями, мандатами и зонами ответственности Великобритании в XX–начале XXI в. Несостоятельность подходов к сохранению присутствия Лондона на «Изумрудном острове» в полном объеме по итогам Войны за независимость Ирландии 1919–1921 гг. не помешала попыткам перенести полученный опыт в колонии и на подмандатные территории Великобритании — и с отрицательным результатом по мнению ряда как современников, так и историков [Thomas, 2008;

Gannon, 2019; Malkin, 2021, p. 286–298]. Затем процесс пошел в обратном направлении, в связи с началом «беспорядков» в Ольстере в 1968 г., а после относительной нормализации ситуации в провинции в 1998 г., обусловленной как раз отказом от попыток воспроизвести модель внутренней безопасности, провалившуюся в ряде британских владений после 1945 г. — вновь на Ближний и Средний Восток, но уже в рамках «войны с террором» XXI в. [Newsinger, 1995, p. 85–111; Ellison, O'Reilly, 2008, p. 1–32; Edwards, 2010, p. 303–330; The British Approach to Counterinsurgency, 2012; Sanders, 2013, p. 465–492; Operation Banner, 2006]. При этом участие в военных кампаниях в Афганистане и Ираке не только не увенчалось военно-политическим успехом (скорее, наоборот), но и повлекло парламентское расследование правомерности решения британских властей об отправке войск в Ирак в 2003 г., а также вызвало шквал критики как в академических, так и в экспертных кругах (не говоря уже о представителях СМИ) и широкий и последовательный пересмотр оценки эффективности колониального опыта обеспечения внутренней безопасности в принципе.

ПОСТКОЛОНИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И АМБИВАЛЕНТНОСТЬ (ДЕ)КОЛОНИЗАЦИИ

В современной историографии расширяется поле исследований, посвященных сотрудничеству новых независимых государств с бывшими метрополиями после распада глобальных колониальных империй. Благодаря этим работам постепенно преодолевается упрощенное представление о переходе бывших колоний к постколониальному статусу, проступает нелинейный характер отношения в бывших колониях к наследию метрополий в области управленческих практик и стратегий государственного развития. Вместе с уже классическими исследованиями, посвященными сотрудничеству местных элит в процессе становления и развития современных империй [Bayly, 1989; Barrow, 2003; Тольц, 2013 (2011)], они формируют необходимую фактологическую основу для более нюансированного и сбалансированного подхода к изучению роли и значения наследия колониальных держав с точки зрения социально-экономической и политической практики новых независимых стран.

Так, в экономическом планировании новых независимых стран участвовали эксперты — вчерашние колониальные чиновники [Истерли, 2016 [2014]; Hodge, 2007; Hodge, 2010, p. 24–46; среди отечественных исследований, в которых вопросам преемственности в политике развития в британских колониях между эпохой Интербеллума и эпохой Холодной войны уделено заметное внимание, см.: Хахалкина, 2017]. В военном строительстве помогали военные советники из бывших метрополий, в военных учебных заведениях которых шла и (пере)подготовка офицерского корпуса армий новых государств, в том числе — что особенно примечательно — с учетом опыта антиповстанческих операций против местных национально-освободительных движений во время недавней антиколониальной

борьбы¹. Помощь в организации (контр)разведки была связана с передачей секретной документации и материально-технической базы в сфере безопасности спецслужб бывших колоний — как способ сохранения влияния метрополии в пределах бывшей империи, с одной стороны, и инструмент давления на оппозицию в руках новых властей, с другой стороны [Уолтон, 2016 (2013); Thomas, 2007, p. 207–234; Louis, 2002, p. 1–25].

Несколько конкретных примеров наглядно иллюстрируют неоднозначный характер отношений между бывшими колониями и метрополиями после завершения эпохи глобальных империй с точки зрения вопросов внутренней и региональной безопасности. Деколонизация португальских владений Гоа, Даман и Диу в 1961 г. произошла в результате их аннексии Индией. Индонезия тогда же безуспешно пыталась отнять у своей бывшей метрополии Нидерландскую Новую Гвинею, а в 1975 г., после ухода Португалии, заняла Восточный Тимор. Власти Израиля в рамках силовых операций в Палестинской автономии обратились к практике физического устранения лидеров местных военизированных организаций и уничтожению жилых домов, из которых по военным и полицейским силам открывали огонь, в соответствии с теми внесудебными мерами, которые британские вооруженные силы применяли здесь же в отношении и еврейских, и арабских полу- или вовсе нелегальных вооруженных групп до их вывода и передачи вопроса о будущем этого британского мандата на рассмотрение ООН в 1948 г. В Федеральной зоне племен современный Пакистан во многом воспроизводит механику властных отношений, принятую здесь еще тогда, когда она являлась «полосой племен» Северо-западной пограничной провинции британской Индии (с поправкой на новый дисбаланс в диалоге между местными элитами и Исламабадом).

В этой связи можно заметить, что в знаменитой работе Э.В. Саида «Ориентализм» (1978 г.), ставшей классикой постколониальных исследований еще при жизни ее автора, по сути, предлагалась интерпретационная рамка, не менее ангажированная (в том числе личным опытом восприятия своего происхождения — переживания (де)колонизации на индивидуальном, личностном уровне), чем в сочинениях, отражавших и поддерживавших курс глобальных империй (на что критики, впрочем, уже обратили внимание ранее), но только с противоположной стороны. Очевидно, что для выхода на пост-постколониальную траекторию исторического нарратива требуется известная степень отстраненности (хотя бы и временной), что возвращает нас к исходному тезису о непрерывности процесса реактуализации феномена (де)колонизации, как в академических кругах, так и в общественной мысли.

---

¹ Учебные планы Штабного колледжа британской армии в Кэмберли в 1950-е–1960-е гг. все еще включали курсы, посвященные полицейским функциям армии в колониях: Training Syllabus. Staff College, Camberley, 1956–1958 // TNA. WO 231/101; Training Syllabus. Staff College, Camberley, 1966 // TNA. WO 231/103; Training Syllabus. Staff College, Camberley, 1968–1969 // TNA. WO 231/102.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

События последнего времени характеризуются стремительным ростом гражданских конфликтов — от беспорядков на межрасовой почве и межнациональных столкновений до гражданских войн религиозного, этнического и сепаратистского характера. Это обстоятельство с учетом стремительной интернационализации многих из них все чаще возвращает академическое и экспертное сообщества к истокам силовых линий напряжения в отношениях как внутри, так и между современными странами. В этой связи неудивительно, что в свете ускорившейся трансформации современного мирового порядка все большее внимание специалистов привлекает как феномен империи, так и его оборотная сторона — процесс деколонизации (во всех ее мыслимых формах).

Не удивительно, что в 2016 г. мир по-разному отметил 100-летний юбилей соглашения Сайкса-Пико о разделе сфер влияния между Великобританией и Францией на Ближнем Востоке после Великой войны, во многом заложившего сотрясаемые в наши дни основы политической конфигурации этого региона — обстоятельство, которое сообщает дополнительную актуальность изучению наследия европейских колониальных империй в практической плоскости. Если для западной научной и общественно-политической мысли это был повод вновь поразмышлять об исторических основаниях современной ближневосточной политики, то многие местные (но действующие глобально) радикальные организации и умеренные политические силы интерпретировали этот юбилей как на новую отправную точку в отношениях между Востоком и Западом — как начало подлинной деколонизации Ближнего Востока, и на сей раз по собственным лекалам и правилам.

Такое положение дел по обе стороны разделительных линий, как ментальных, так и вполне осязаемых (и не только на Ближнем Востоке), подтверждает необходимость начинать осмысление каждого конкретного примера переживания (де)колонизации с установления исходных диспозиций переживающего этот исторический момент. Перманентная актуализация этого процесса обусловлена конкретными обстоятельствами и в этом смысле представляет собой частный случай исторической политики. Следовательно, при изучении феномена (де)колонизации необходима двойная аналитическая рамка. Во-первых, с историографической точки зрения, в каждом отдельном случае целесообразно определять точку отсчета понимания и осмысления заявленной темы — как личностный, так и общественно-политический контекст рассуждений, влияющий на выбор фокусов ее изучения. Во-вторых, с методологической точки зрения необходимо искать для каждого отдельного случая оптимальный баланс методов (пост-)постколониальной критики и новой истории империй, имея в виду, что (де)колонизация — это всегда процесс с двусторонним движением. И в этой связи важно помнить, что опыт постколониальной трансформации новых независимых стран обнаруживает амбивалентный характер деколонизации, не описываемый в рамках дихотомии классического постколониального подхода, а ее хронологическая и географическая асинхронность с точки зрения эволюции не только современных империй, но и международных отношений (в рамках перехода от эпохи глобальных империй к эпохе ядерных супердержав) наглядно подтверждает такое положение дел.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Гобсон Дж.А. Империализм. М.: Либроком, 2018 [1902]. 288 с.

Истерли У. Тирания экспертов. Экономисты, диктаторы и забытые права бедных. М.: Издательство Института Гайдара, 2016 [2014]. 496 с.

Тольц В. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М.: Новое литературное обозрение, 2013 [2011]. 332 с.

Туз А. Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916–1931 годы. М.: Издательство Института Гайдара, 2017. 637 с.

Уолтон К. Британская разведка во времена холодной войны. Секретные операции МИ-5 и МИ-6. М.: Центрполитграф, 2016 [2013]. 543 с.

Хахалкина Е.В. Великобритания и проблемы интеграции, безопасности и деколонизации во второй половине 1940-х–начале 1960-х гг. Томск: Издательство Томского университета, 2017. 384 с.

Arendt H. On Violence. San Diego; New York: Harcourt, Brace, Jovanovich, 1970. 106 p.

Badger A. Historians, a legacy of suspicion and the «migrated archives» // *Small Wars & Insurgencies*. Vol. 23. № 4–5. 2012. Pp. 799–807.

Barrow I.J. *Making History, Drawing Territory: British Mapping in India, c. 1756–1905*. New Delhi: Oxford University Press, 2003. 212 p.

Bayly C.A. *Imperial Meridian: the British Empire and the World 1780–1830*. London: Taylor & Francis Group, 1989. 312 p.

The British Approach to Counterinsurgency: From Malaya and Northern Ireland to Iraq and Afghanistan. Ed. by Dixon P. New York: Palgrave Macmillan, 2012. 457 p.

Edwards A. Misapplying lessons learned? Analyzing the utility of British counterinsurgency strategy in Northern Ireland, 1971–76 // *Small Wars & Insurgencies*. Is. 21(2). 2010. Pp. 303–330.

Ellison G., O'Reilly C. From Empire to Iraq and the «War on Terror»: The Transplantation and Commodification of the (Northern) Irish policing Experience // *Police Quarterly*. 2008. Vol. XX. № X. Pp. 1–32.

Gannon S.W. *Irish Imperial Service. Policing Palestine and Administering the Empire, 1922–1966*. Cambridge: Palgrave Macmillan, 2019. 293 p.

Hodge J.M. British Colonial Expertise, Post-Colonial Careerism and the Early History of International Development // *Journal of Modern European History*. Vol. 8. № 1. 2010. Pp. 24–46.

Hodge J.M. *Triumph of the Expert: Agrarian Doctrines of Development and the Legacies of British Colonialism*. Athens [Ohio]: Ohio University Press, 2007. 432 p.

Louis R.W. The Dissolution of the British Empire in the Era of Vietnam // *The American Historical Review*. 2002. Vol. 107. № 1. Pp. 1–25.

- Malkin S.G. «Lessons learned» during the Interbellum: «Irish war» and British counterinsurgency // *Small Wars & Insurgencies*. 2021. Is. 45(6). Pp. 286–298.
- Newsinger J. From Counter-Insurgency to Internal Security: Northern Ireland, 1969–1992 // *Small Wars & Insurgencies*. 1995. Is. 6(1). Pp. 85–111.
- Operation Banner. An Analysis of Military Operations in Northern Ireland. Prepared under the direction of the Chief of the General Staff. Army Code 71842*. 2006.
- Sanders A. Operation Motorman (1972) and the search for a coherent British counterinsurgency strategy in Northern Ireland // *Small Wars & Insurgencies*. 2013. Is. 24(3). Pp. 465–492.
- Thomas M. *Empires of Intelligence. Security Services and Colonial Disorder after 1914*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2008. 446 p.
- Thomas M. France's North African Crisis, 1945–1955: Cold War and Colonial Imperatives // *History*. 2007. Vol. 92. № 2(306). Pp. 207–234.

REFERENCES

- Gobson Dzh.A. *Imperializm* [Imperialism]. Moscow: Librokom, 2018 [1902]. 288 p.
- Isterli U. *Tiraniya ekspertov. Ekonomisty, diktatory i zabytyye prava bednykh* [The tyranny of experts. Economists, dictators and the forgotten rights of the poor]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara, 2016 [2014]. 496 p.
- Tol'ts V. "Sobstvennyy Vostok Rossii": *Politika identichnosti i vostokovedeniye v pozdneim-perskiy i rannesovetskiy period* ["Russia's Own East": Identity Politics and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2013 [2011]. 332 p.
- Tuz A. *Vsemirnyy potop. Velikaya voyna i pereustroystvo mirovogo poryad-ka, 1916–1931 gody* [The Great War and the Reshaping of the World Order, 1916–1931]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara, 2017. 637 p.
- Uolton K. *Britanskaya razvedka vo vremena kholodnoy voyny. Sekretnyye operatsii MI-5 i MI-6* [British intelligence during the Cold War. Covert ops MI5 and MI6]. Moscow: Tsen-trpolitgraf, 2016 [2013]. 543 p.
- Khakhalkina Ye.V. *Velikobritaniya i problemy integratsii, bezopasnosti i dekolonizatsii vo vtoroy polovine 1940-kh–nachale 1960-kh gg.* [Great Britain and problems of integration, security and decolonization in the second half of the 1940s–early 1960s]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2017. 384 p.
- Arendt H. *On Violence*. San Diego; New York: Harcourt, Brace, Jovanovich, 1970. 106 p.
- Badger A. Historians, a legacy of suspicion and the "migrated archives", in *Small Wars & Insurgencies*. Vol. 23. No. 4–5. 2012. Pp. 799–807.
- Barrow I.J. *Making History, Drawing Territory: British Mapping in India, c. 1756–1905*. New Delhi: Oxford University Press, 2003. 212 p.

Bayly C.A. *Imperial Meridian: the British Empire and the World 1780–1830*. London: Taylor & Francis Group, 1989. 312 p.

The British Approach to Counterinsurgency: From Malaya and Northern Ireland to Iraq and Afghanistan. Ed. by Dixon P. New York: Palgrave Macmillan, 2012. 457 p.

Edwards A. Misapplying lessons learned? Analyzing the utility of British counterinsurgency strategy in Northern Ireland, 1971–76, in *Small Wars & Insurgencies*. Is. 21(2). 2010. Pp. 303–330.

Ellison G., O'Reilly C. From Empire to Iraq and the “War on Terror”: The Transplantation and Commodification of the (Northern) Irish policing Experience, in *Police Quarterly*. 2008. Vol. XX. No. X. Pp. 1–32.

Gannon S.W. *Irish Imperial Service. Policing Palestine and Administering the Empire, 1922–1966*. Cambridge: Palgrave Macmillan, 2019. 293 p.

Hodge J.M. British Colonial Expertise, Post-Colonial Careering and the Early History of International Development, in *Journal of Modern European History*. Vol. 8. No. 1. 2010. Pp. 24–46.

Hodge J.M. *Triumph of the Expert: Agrarian Doctrines of Development and the Legacies of British Colonialism*. Athens [Ohio]: Ohio University Press, 2007. 432 p.

Louis R.W. The Dissolution of the British Empire in the Era of Vietnam, in *The American Historical Review*. 2002. Vol. 107. No. 1. Pp. 1–25.

Malkin S.G. “Lessons learned” during the Interbellum: “Irish war” and British counterinsurgency, in *Small Wars & Insurgencies*. 2021. Is. 45(6). Pp. 286–298.

Newsinger J. From Counter-Insurgency to Internal Security: Northern Ireland, 1969–1992, in *Small Wars & Insurgencies*. 1995. Is. 6(1). Pp. 85–111.

Operation Banner. An Analysis of Military Operations in Northern Ireland. Prepared under the direction of the Chief of the General Staff. Army Code 71842. 2006.

Sanders A. Operation Motorman (1972) and the search for a coherent British counterinsurgency strategy in Northern Ireland, in *Small Wars & Insurgencies*. 2013. Is. 24(3). Pp. 465–492.

Thomas M. *Empires of Intelligence. Security Services and Colonial Disorder after 1914*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2008. 446 p.

Thomas M. France's North African Crisis, 1945–1955: Cold War and Colonial Imperatives, in *History*. 2007. Vol. 92. No. 2(306). Pp. 207–234.

Статья принята к публикации 13.06.2022